

ОГОНЁК

№ 48 НОЯБРЬ 1959

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На строительстве Бухтарминской ГЭС. Монтаж трубопровода.

Фото А. Гостева.

На первой странице обложки: артистки Бурятского ансамбля песни и танца исполняют «Хвалебный танец».
Фото С. Фридлянда.

Пролетарии всех стран,
соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 48 (1693)

22 НОЯБРЯ 1959

37-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-
ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Руководители партии и правительства среди журналистов.

Фото Я. Рюмкина.

Три дня продолжался Первый Всесоюзный съезд советских журналистов. Воодушевленный приветствием ЦК КПСС, съезд с большим подъемом закончил свою работу. Съезд утвердил Устав Союза журналистов СССР, избрал правление.

В честь учреждения новой творческой организации в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца состоялся прием, на котором присутствовали руководители партии и правительства. Встреченный бурными, продолжительными аплодисментами, с яркой речью выступил на приеме Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР товарищ Н. С. Хрущев.

Писатель Борис Полевой беседует с Кари Мамневой, редактором журнала «Женщина Советского Туркменистана» (слева) и Алией Маткулиевой, секретарем районной газеты «Красный Октябрь» Чарджоуской области.

Старейший член партии и работник печати Ф. Н. Петров с молодыми журналистами.

На штурм четвертого миллиона

На хлопковые плантации пришли машины.
Фото Г. Графкина.

Итог года в колхозе радостен и внушитель. Бухгалтер Мирдада Мирахмедов и председатель колхоза Абдужамил Матнабулов (справа).

Фото А. Узляна.

Нынешняя осень войдет в историю хлопководства Узбекистана. Белоснежный поток хлопка, еще хранящего тепло солнца, заливал государственные заготовительные пункты. И каждый в республике, пробега взгледом очередную сводку, убеждался: быстро растут цифры выполнения плана.

Древние земли Самарканда и Бухары, знойной Сурхан-Дарьи щедро рассчитывались с хлопководами за труд. Хозяев полей водоушевливали грандиозные задачи семилетки, стремление встретить предстоящий Пленум Центрального Комитета партии уже на новых рубежах. И вот этот рубеж взят! Три миллиона тонн первосортного хлопка задолго до официального завершения хозяйственного года — в закромах государства. Узбекистан вышел на штурм четвертого миллиона...

В этом году на полях было особенно много хлопкоуборочных комбайнов. В «боевых порядках» проходили они по бескрайним полям, ссылая из бункеров горы «белого золота». Триста тысяч тонн

собрали машины, заменив ручной труд десятков тысяч сборщиков.

На весь Узбекистан славятся хлопкоробы колхозов «Мехнат-Рахат» из далекого Джар-Кургана, Шахрисабзской сельхозартели имени Хрущева, мастера высоких урожаев колхоза имени Ленина из горного Папского района и десятков других хозяйств. В одном из них, в колхозе «Кзыл Узбекистан», расположенном на территории высокоурожайного Орджоникидзевского района, нам привелось побывать как раз в день, когда хлопкоробы узнали: республика выполнила план!

Затишье труда на полях, зато в конторе колхоза наступили горячие дни — пора подведения итогов хозяйственного года. Председатель колхоза «Кзыл Узбекистан» Герой Социалистического Труда А. Матнабулов доволен: не только хлопковые плантации, но и животноводство и другие отрасли хозяйства дали хороший доход.

— Такие цифры приятно ви-

В семеноводческой лаборатории колхоза «Кзыл Узбекистан» хлопкороб Ергашака Мирзакаримов — свой человек.

дети, — говорит председатель бухгалтеру.

Не менее доволен и Караман Хайтматов. В семье у него работают четверо. И вот сейчас ему выдают очередной аванс — около трех тысяч рублей.

— Почти сорок тысяч мы уже получили в этом году. Есть на что купить все, что нужно.

Радуются успешным итогам года и односельчане Хайтматова — колхозные семеноводы. Ведь и они помогли вырастить богатый урожай. Но пора уже подумать и о будущем. Лаборант элитно-семеноводческой лаборатории советуется с опытным хлопкоробом Ергашей Мирзанаримовым. Впереди сев второй весны семялетки.

...Бодрящая прохлада погожей осени сменилась дождями. Ночью выпал первый снежок, и бережно укрытые брезентами огромные бунты хлопка сейчас очень похожи на снеговые холмы. Несмотря на непогоду, днем и ночью идут на заготовительный пункт машины с туго набитыми мешками — канарами. Каждый канар — это еще малая толика в счет социалистического обязательства республики.

Н. СОЛОВЬЕВА

Это только аванс семье хлопкороба Карамана Хайтматова!

Днем и ночью на заготовительные пункты идет хлопок.

Начало 30-х годов. Н. С. Хрущев стоял во главе Московской организации Коммунистической партии. Никита Сергеевич выступает перед строителями метрополитена.

С первых дней войны Н. С. Хрущев находился в действующей армии. Он был членом Военного Совета Киевского Особого Военного округа, Юго-Западного направления, Сталинградского, Южного и Первого Украинского фронтов. Одновременно товарищ Хрущев руководил на Украине партизанским движением против фашистских захватчиков.

Партийный руководитель вникает во все детали жизни, хозяйства, реконструкции советской столицы.
Н. С. Хрущев на строительстве моста метро.

Никита Сергеевич участвовал в обороне Сталинграда и в подготовке разгрома гитлеровских войск под Сталинградом. После завершения исторической битвы народ возвращается в разрушенный город. Н. С. Хрущев беседует с жителями.

Все, что может улучшить благосостояние и быт трудящихся, интересуется Никиту Сергеевича.
Н. С. Хрущев в детском саду осматривает мебель для малышей.

6 ноября 1943 года столица Украины — Киев был освобожден от оккупантов войсками Советской Армии. Горячо встречает население Никиту Сергеевича.

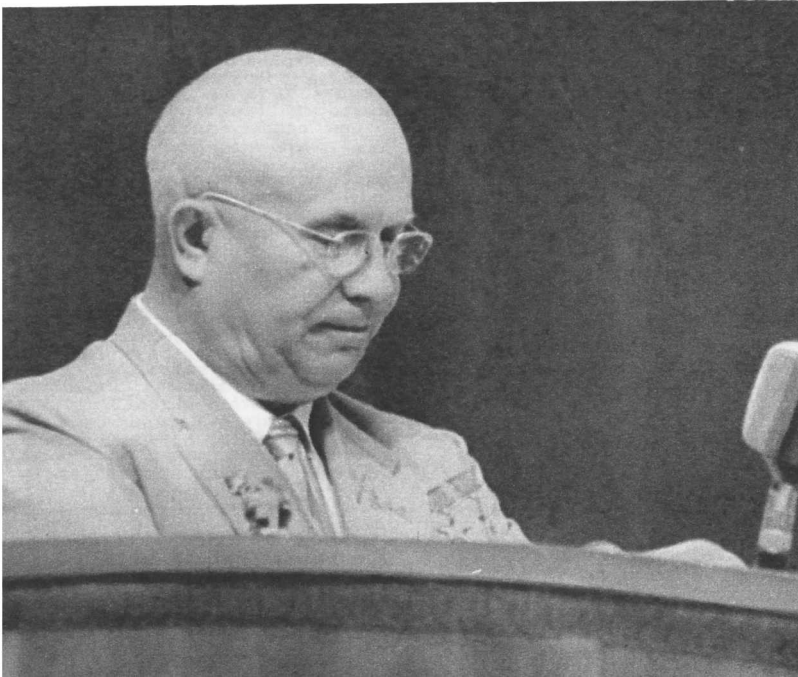

Советский народ и его правительство высоко оценили заслуги Никиты Сергеевича Хрущева перед страной в дни войны и в дни мирного строительства. Он удостоен многих орденов. Кремль, 1943 год. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Михаил Иванович Калинин вручает награду Никите Сергеевичу Хрущеву.

По инициативе Н. С. Хрущева в последние годы осуществлен подъем всех отраслей сельского хозяйства. Мастера полей благодарны главе правительства за добрые практические советы. Целнинники радостно делятся с Никитой Сергеевичем своими достижениями.

Фильм о Н. С. ХРУЩЕВЕ

Документальный фильм, посвященный биографии Никиты Сергеевича Хрущева, смотришь с неослабеваемым интересом. Перед зрителем проходит жизнь большевика, чьи силы, разум, воля и талант без остатка отдавал неустанной борьбе за народное дело. Сам выходец из народа, сын шахтера, с детства познавший труд крестьянина и рабочего, он предстает перед нами как политический и общественный деятель ленинской школы, для которого личная судьба, личное счастье неотделимы от судьбы народа и страны.

Старые москвичи отлично помнят Никиту Сергеевича в качестве руководителя Московской организации Коммунистической партии. Это было время — начало тридцатых годов, — когда кондовая Москва меняла свои черты: пролагались новые улицы, передвигались и надстраивались дома, создавался первый в стране метрополитен, через Москву-реку повисали новые отличные мосты вместо старых, давно уже отслуживших свой век... Кинофильм показывает нам молодого, полного энергии руководителя московских большевиков, который появляется всюду, где требуется его поддержка и помощь. И, следя с живым вниманием за ним, мы видим тогдашний облик нашей столицы, труд москвичей тридцатых годов, украшающих и возвеличивающих свой город.

С первых дней Великой Отечественной войны Никита Сергеевич Хрущев в действующей армии. Трудное было время, тяжелая была борьба. И на самых ударных, ответственных участках фронта — под Киевом, на Дону, под Сталинградом — мы видим Никиту Сергеевича у штабных оперативных карт, в окопах рядом с солдатами и офицерами, в отбитых у неприятеля городах среди развалин и пожаров. Нельзя без волнения смотреть, с какой непосредственной радостью и восторгом встречали жители освобожденного Киева Никиту Сергеевича: поцелуй, объятия, слезы. Так встречают только дорогого, близкого человека, по которому истомилась душа и сердце.

Красавцу-городу нанесены тяжкие раны; народ горит желанием воссоздать его в новой, небывалой красе. И снова мы видим товарища Хрущева среди людей, занятых восстановлением города, испытавших всю горечь и боль вражеской оккупации и с энтузиазмом отдающих свои силы созидательному труду.

С высокой трибуны XX съезда КПСС в выступлении Никиты Сергеевича прозвучал голос партийной, ленинской правды. Весь советский народ, вся партия были призваны к напряженной работе для блага великого государства рабочих и крестьян, для дела коммунизма. В решениях XXI съезда раскрылись новые грандиозные перспективы развития советского общества; по этим путям победоносно идет наш великий народ, одерживая победу за победой.

В кинофильме мы видим громадное жилищное строительство в Москве, равного которому никогда не было за всю ее историю. Мы видим завершение созидания могучей Волжской гидроэлектростанции, призванной дать потоки энергии для заводов, фабрик, городов. Мы видим бескрайние колхозные поля, тучные стада, цветущие сады, видим тружеников сельского хозяйства, вдохновенно работающих над тем, чтобы страна наша жила богато, сытно, обеспеченная всеми нужными человеку благами. И всюду мы видим неутомимого Никиту Сергеевича, вдохновляющего людей на трудовые подвиги. И его горячие слова проникают в самое сердце народа.

«Будем же каждый на своем посту, на своем рабочем месте делать все для того, чтобы еще больше прославить нашу родину...»

Своей неустанной борьбой за мир Никита Сергеевич снискал глубокое уважение всего трудового человечества. Миротворная политика Советского правительства привлекает к себе сочувствие в разных слоях населения всех стран, в том числе и капиталистических.

— Дерево дружбы растет на радость людям!

В фильме зритель видит, как тепло встречают главу Советского правительства в Китае, в Польше, в Чехословакии, в Венгрии, в ГДР, в маленькой Албании, в Индии. Простые люди разных стран приветствуют в лице Никиты Сергеевича не только его самого, обаятельного человека, плоть от плоти трудового народа, но и ленинскую политику мира, начертанную на знамени нашего могучего государства.

За океаном, в Вашингтоне, Никита Сергеевич вручил копию вымпела, доставленного на Луну советской космической ракетой, Дуайту Эйзенхауэру. Поездка Хрущева в Соединенные Штаты явилась событием историческим. Тени «холодной войны» отступили перед лицом правды. Во всем мире зажглись огни надежды.

Фильм краток, но оставляет сильное впечатление, он правдиво, просто показывает жизнь и деятельность человека, горячо любимого и уважаемого народом, борца-революционера, неутомимого организатора, пламенного ленинца.

Ник. КРУЖКОВ

Никита Сергеевич Хрущев, Кинодокументы. Центральная студия документальных фильмов.

Интервью «Огонька»

Строительство Кременчугской ГЭС на Днепре.

Фото А. Горячева.

И. Т. НОВИКОВ,
министр строительства
электростанций СССР

Как лучше вести энергетическое строительство, быстрее и дешевле возводить электростанции, прокладывать линии передач? Этим проблемам семилетки посвящается предстоящее Всесоюзное совещание энергостроителей. Накануне совещания министр строительства электростанций СССР тов. И. Т. Новиков ответил на некоторые вопросы корреспондента «Огонька».

— ЧТО ПРАКТИЧЕСКИ ОЗНАЧАЕТ ПРЕДУСМОТРЕННЫЙ СЕМИЛЕТНИМ ПЛАНом ГИГАНТСКИЙ ПРИРОСТ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИХ МОЩНОСТЕЙ?

— За семилетие производство электроэнергии в нашей стране намечено увеличить с 233 до 500—520 миллиардов киловатт-часов, а мощность электростанций — на 58—60 миллионов киловатт. Протяженность высоковольтных линий возрастет более чем на 200 тысяч километров. Цифры, как видите, поражающие самое смелое воображение. Вдумайтесь только: для выполнения этого плана наша страна должна каждый год вводить в эксплуатацию мощности, равные четырем волжским гидроэлектростанциям имени В. И. Ленина.

Как и вся наша индустрия, энергетика шагает на восток. В районе Красноярск, например, создается крупное предприятие алюминиевой промышленности. Естественно, что на восток вырастают такие богатые энергетикой, как Назаровская и Ирша-Бородинская тепловые станции, Красноярская ГЭС на Енисее. Каскад Ангарских гидроэлектростанций в корне преобразит экономику огромного

края, столь щедро одаренного природой.

Труд энергостроителей скажется и на судьбах молодой алмазной промышленности, зародившейся в Якутии. Ей и золотым приискам дадут энергию турбины Виллюйской ГЭС.

Перечислять все станции-новостройки излишне. Скажу лишь, что подобного размаха энергостроения не знала еще ни одна страна в мире, в том числе и Соединенные Штаты Америки.

— РАССКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, О НОВОМ НАПРАВЛЕНИИ В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ.

— Вы, конечно, имеете в виду то преимущество, которое отдает сейчас сооружению тепловых станций. Скажу для начала об одной, последней нашей новинке — о «ГРЭС-2400». Таково краткое условное обозначение типового проекта районной электростанции мощностью в 2 миллиона 400 тысяч киловатт. Каждая такая станция может обслуживать крупнейший промышленный район. Мощность каждого турбогенератора такой ГРЭС — 300 тысяч киловатт, а котлы ее вырабатывают каждый час 950 тонн пара с температурой 580 градусов и рабочим давлением

240 атмосфер. Напомню, что до сих пор предельной мощностью для ГРЭС считалось 1—1,2 миллиона киловатт.

Вскоре начнется строительство первой «ГРЭС-2400».

XXI съезд партии четко определил путь дальнейшего развития энергетик. В семилетнем плане предусмотрено преимущественное развитие тепловых станций, которые в гармоническом сочетании с мощными ГЭС должны обеспечить электроснабжение страны.

Строительство тепловых станций требует меньших затрат времени и средств. Оно выгодно также и тем, что позволяет использовать такие дешевые виды топлива, как газ, нефть и уголь, добываемые открытым способом.

Свою могучую энергию будет отдавать в энергосеть и мирный атом. Сооружаются две атомные электростанции: Ново-Воронежская и Белоярская на Урале.

— НАШИМ ЧИТАТЕЛЯМ ИНТЕРЕСНО УЗНАТЬ, КАК ИЗМЕНЯЮТСЯ МЕТОДЫ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СТРОИТЕЛЬСТВА.

— Прежде всего скажу об объемах предстоящих работ. На энергетических стройках будет перемещено около двух миллиардов земли и скального грунта, то есть в десять раз больше, чем на Куйбышевгидрострое. Уложено 60 миллионов кубометров бетона и железобетона.

Естественно, что при таком размахе старые методы уже не годятся.

Единственно правильный путь — строительство электростанций из сборного железобетона. Говоря образно, энергетические сооружения придут на стройплощадки в железнодорожных составах и на автомашинах в виде сборных конструкций.

Новая технология строительства требует прочных, надежных тылов. Наши тылы — это заводы железобетона, металлоконструкций, арматуры, термоизоляционных материалов, карьеры. Мы наметили одиннадцать основных районов энергетического строительства и в каждом районе будем создавать такие комплексы вспомогательных предприятий. Все это позволит сократить подготовку к основным работам на 7—8 месяцев по каждой стройке. Это огромный выигрыш во времени!

Во многих местах по условиям климата электростанции не нуждаются в капитальных дорогостоящих корпусах, их можно размещать под легкими металлическими кожухами. По такому типу строится станция в Али-Байрамли (Азербайджан), будут сооружены ГРЭС в Навои (Узбекистан) и некоторых других пунктах.

— КАКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРОИЗОЙДУТ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ГИДРАВЛИЧЕСКИХ СТАНЦИЙ?

— Товарищ Н. С. Хрущев на XXI съезде партии сказал, что при выборе того или иного вида энергетических ресурсов необходимо исходить из учета всех экономических факторов. Поэтому сейчас гидроэнергетика настойчиво ищет такие технические решения и такие способы их осуществления, которые позволили бы гидроэлектростанциям конкурировать с тепловыми станциями как по стоимости, так и по срокам сооружения. Уже предложены весьма интересные конструктивные варианты Саратовского, Каневского, Каневского и Советского гидроузлов. На Саратовском гидроузле самое интересное — отсутствие водосливной плотины. Вся вода будет проходить через здание станции. Каневскую и Киевскую ГЭС предполагается монтировать из железобетонных ячеистых плит. Ячейки заполняют песком и в водосливной части кроют монолитным бетоном.

Несколько лет назад считалось невозможным создать типовой сборный железобетонный блок гидроэнергетического сооружения. Сейчас эта задача успешно решается.

— ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О ПЛАНЕ РАБОТ ВО ВТОРОМ ГОДУ СЕМИЛЕТКИ?

— За первые два года семилетки выработка электроэнергии в нашей стране возрастет на 56 миллиардов киловатт-часов. В Соединенных Штатах Америки такой прирост потребовал пяти лет. И еще одно сравнение: в 1960 году только в восточных районах СССР будет производиться электроэнергии больше, чем во всей нашей стране десять лет назад.

Во втором году семилетки дадут ток пять крупных тепловых станций: Назаровская, Али-Байрамлинская, Змиевская, Ухтомская и Тюменская. На Немане, в Литве, завершается строительство Каунасской ГЭС. В Казахстане станут под нагрузку два первых агрегата Бухтарминской гидроэлектростанции на Иртыше. На полную мощность начнут работать Сталинградская ГЭС на Волге, Кременчугская на Днепре. Войдет в строй первая высоковольтная линия электропередачи напряжением в 500 тысяч вольт — Сталинград — Москва, самая протяженная в мире.

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Кто сказал вам, что камни молчат!
Я стою перед древней стеною,
И порою часами подряд
Говорят эти камни со мною.
Пусть закят за Манежной погас,—
Каждый шпиль еще алым подкрашен,
И столетия смотрят на нас
Сквозь бойницы прославленных башен.
Старый Кремль замечтался на миг,
В синеватую дымку одетый,
Будто вспомнил о годах былых,
Прошумевших над площадью этой.
Время мчится, но камни тверды.
Путь истории труден и длинен.
Вот своих ополченцев ряды
Собирают Пожарский и Минин.
Вот по ком-то из павших стрельцов
На Москве-реке плачет невеста.
Вот в железных цепях Пугачев
Окликает нас с Лобного места.

Очертанья кирпичных громад
Возникают во тьме, как виденье.
Кто сказал вам, что камни молчат!
Вас, наверно, ввели в заблужденье.
Каждый угол нам с детства знаком,
Каждый камень нам дорог и ценен.
Сколько раз, торопясь в Совнарком,
Проходил здесь по площади Ленин.
И отсюда, прощаясь с Москвой
И печатая шаг по брусчатке,
Пехотинцы в огонь фронтовой
Уходили в походном порядке...
Словно с самой крутой высоты,
Вижу степи Сибири и Крыма,
Наших планов живые черты
Различаю особенно зримо.
Я как будто бы снова спешу
По дорогам Отчизны просторным
И свободно и жадно дышу
Этим воздухом высокогорным.
Наша площадь, с тобой я сильней
Ощуаю дыхание века.
Ты сердца миллионов людей
Привлекаешь как новая Мекка,
Легче с бурею спорить во мгле,
Жить на свете светлее и проще,
Если знать, что на нашей земле
Существуешь ты, Красная площадь!

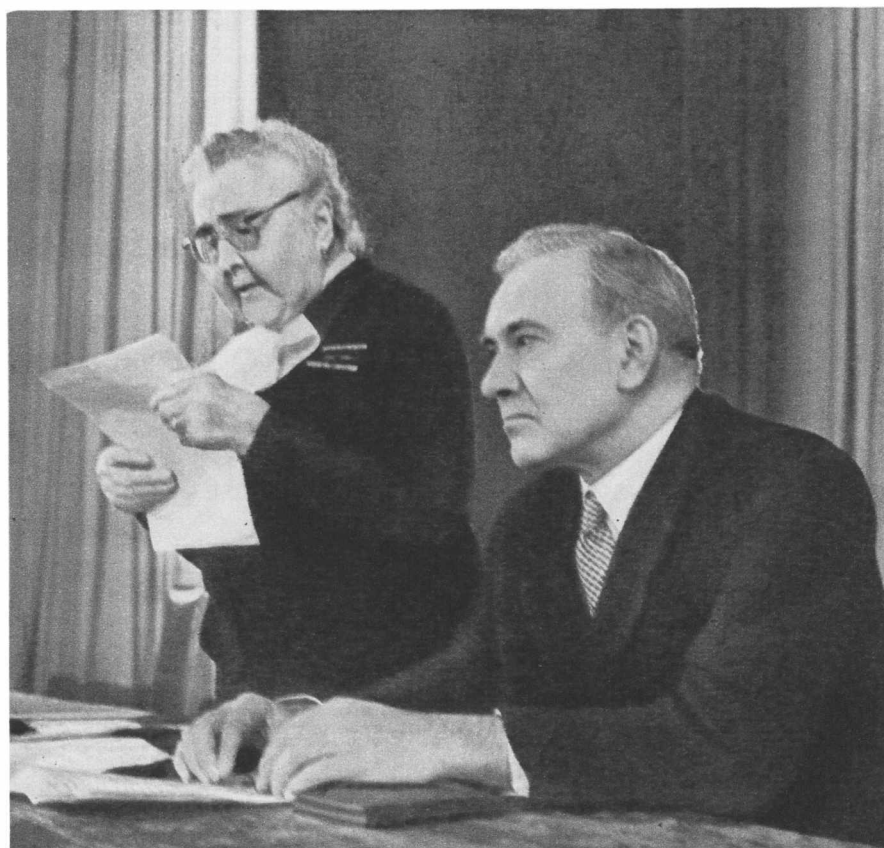

ИЗ МОСКВЫ В МЕХИКО
для открытия Выставки
достижений Советского
Союза в области науки,
техники и культуры вы-
летел 17 ноября первый
заместитель Председа-
теля Совета Министров
СССР А. И. Миноян.
На снимке: на Вну-
ковском аэродроме.
↓ Фото А. Новикова.

С БОЛЬШИМ ИНТЕРЕСОМ СМОТРЯТ СОВЕТСКИЕ ЗРИТЕЛИ АМЕРИКАНСКИЙ
ФИЛЬМ «МАРТИ». В день, когда в Москве, в кинотеатре «Ударник», проходила
торжественная премьера этой картины, в Вашингтоне, в кинотеатрах «Метропо-
литен» и «Дюпон», американцы рукоплескали советскому фильму «Летят журавли».
Известные советские киноактеры Н. Черкасов, С. Бондарчук, В. Меркурьев и
Э. Быстрицкая были гостями Америки. А у нас побывали популярные американ-
ские киноактеры Г. Купер и Э. Робинсон, а также Д. Манн — постановщик и
Г. Хехт — продюсер фильма «Марти».
На снимке: Э. Робинсон приветствует советских зрителей в кинотеатре
«Ударник».

Фото Е. Умнова.

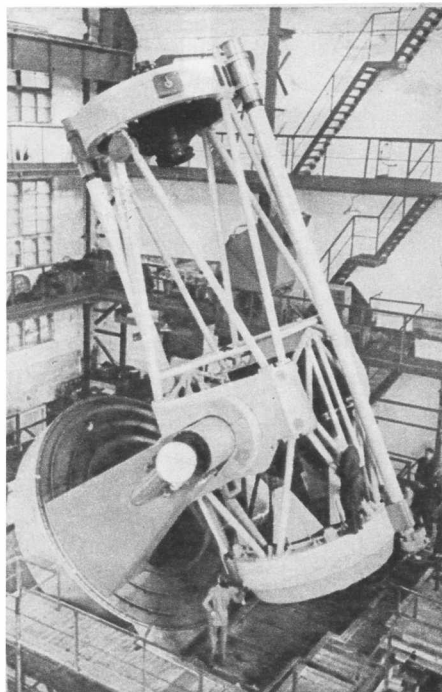

ДЕСЯТЫЙ СЪЕЗД ВСЕРОССИЙСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА открылся
16 ноября в Государственном академическом Малом театре СССР. Со вступитель-
ным словом к делегатам и гостям съезда обратилась Александра Александровна
Яблочкина — председатель Совета ВТО, встреченная горячими, дружескими ап-
лодисментами.

На снимке: А. А. Яблочкина и М. И. Царев на открытии съезда.

Фото Дм. Бальтерманца.

КРУПНЕЙШИЙ В СТРА-
НЕ ТЕЛЕСКОП для Крым-
ской астрофизической об-
серватории изготовлен на
Ленинградском оптико-
механическом заводе. →
Фото В. Самойлова.

СБОР МАНДАРИНОВ
идет в совхозе имени
Ильича, Гульрипшинско-
го района Абхазии.

↓ Фото Галины Санько.

ВЫСТАВКА РАБОТ ИЗВЕСТНОГО ХУДОЖНИКА Н. Н. ЖУКОВА, по-
священная 30-летию его творческой деятельности, открылась в Мо-
ске, в зале Союза художников СССР. Здесь представлена серия
работ: «Ленин и народ», рисунки «Нюрнбергский процесс»,
графический цикл «Мой современник», зарисовки, выполненные
в Китае, Чехословакии, Польше, Италии; всего более трехсот про-
изведений.

Фото Г. Захаровой.

МЫ-ДРУЗЬЯ НАВСЕГДА!

Как свой радостный праздник, отмечала Чехословакия 42-ю годовщину Великого Октября. В эти дни в стране начался традиционный месячник чехословацко-советской дружбы. Связи двух братских стран — СССР и Чехословакии — становятся крепче и теснее с каждым годом, принося замечательные плоды нашим народам. Помогая друг другу, Советский Союз и Чехословакия идут рука об руку по пути социализма.

Фото Чехословацкого телеграфного агентства.

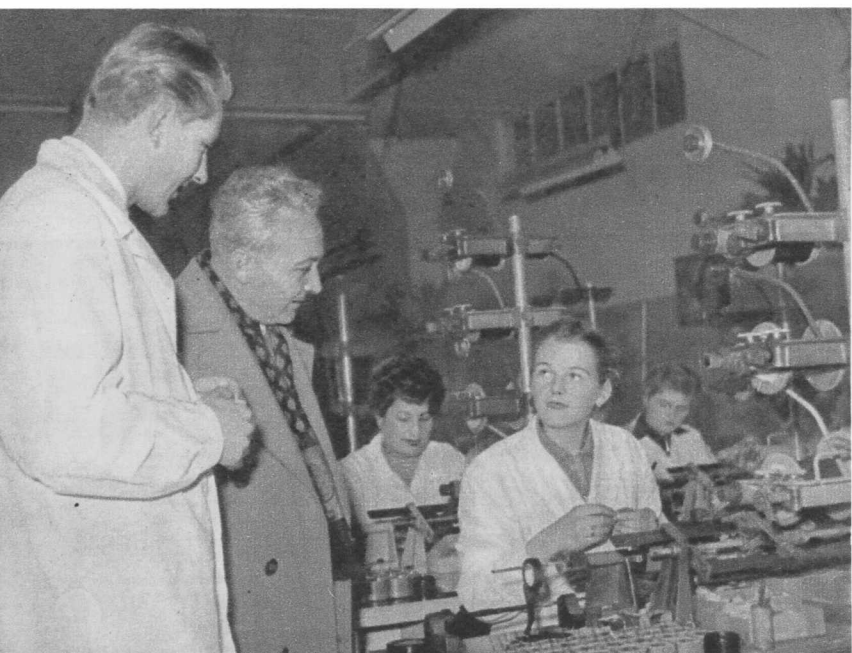

От Праги до советско-чехословацкой границы прошла эстафета в честь месячника.

Так начался месячник. Большая манифестация в честь советско-чехословацкой дружбы состоялась в Праге на древней Староместской площади.

→
На тракторостроительном заводе в Брно-Лишень рабочие по собственной инициативе организовали выставку, посвященную дружбе между советским и чехословацким народами. Выставка находится в заводском цехе.

Одной из бригад на заводе «Тесла» в Братиславе присвоено звание бригады советско-чехословацкой дружбы. На снимке: секретарь Союза чехословацко-советской дружбы Йозеф Токар беседует с членами бригады.

ГАНА СТРОИТ и УЧИТСЯ

В. КОРОВИКОВ

Большие перемены приносит каждый новый день в жизни Ганы — вчерашней плантации Британской империи. Гана строит и учится.

Заканчивается крупнейшая стройка Западной Африки — океанский порт Tema; разрабатываются планы сооружения мощной гидроэлектростанции на реке Вольта и крупного алюминиевого комбината.

Народ Ганы стремится шире и полнее использовать природные богатства своей страны. Научно-исследовательские станции в Каде, Тафо, Тамале изучают важнейшие для Ганы вопросы земледелия, лесного хозяйства, разведения какао, ирригации.

Широкое наступление ведется на неграмотность. Легкие полудомы, полунавесы школ встретишь теперь почти в каждой деревне. Гордость Ганы — ее университет. Более 500 студентов в городке близ Аккры овладевают сложными проблемами современной науки...

Гана расправляет плечи после веков рабства.

В тропическом лесу около Каде. Ботаники определяют породы деревьев.

Новое поколение граждан недавней колонии будет грамотным...

Базар в центре Кумаси, протянувшийся чуть ли не на километр,— крупнейший в стране. Здесь можно встретить людей и товары со всех концов Ганы и даже из соседних стран.

Два миллиона фунтов стерлингов затрачено на строительство и оборудование госпиталя в Кумаси — самой большой больницы Ганы. Здесь же обучаются будущие врачи.

Новые здания университета Ганы на холме Легон близ Аккры.

Группа школьниц возвращается домой после занятий.

АБРИКОСОВОЕ ДЕРЕВО

Рассказ

Катарина Сусанна ПРИЧАРД

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО.

— Не пойму, в чем тут дело!

Одри Ирвин внимательно глядела на абрикосовое дерево. Оно выделялось своими голыми ветвями среди цветущих фруктовых деревьев, раскинувшихся по склону холма.

— На вид здоровое, сильное. А ни разу не плодоносило и даже не цвело никогда, мистер Макнелли.

Старик посмотрел на дерево. Взгляд его задумчиво скользил по раскидистым ветвям, по крепкому стволу.

— Н-да,— произнес он медленно.— Боюсь, не застыли ли в нем соки.

— Соки застыли?

Мисс Ирвин нахмурилась. Она не слыхала о том, чтобы застывали в деревьях соки. Она была, правда, новичком в садоводстве, но прочла уже немало книг и училась подрезать деревья и опрыскивать их у Макнелли, владельца одного из лучших фруктовых садов во всей округе.

Макнелли перевел глаза с дерева на невысокую, приземистую молодую женщину в синих рабочих брюках и сером шерстяном свитере, стоявшую рядом с ним на дорожке. Он ее всегда считал молодой, хотя соседи утверждали, что мисс Ирвин уж никак не меньше сорока.

Мысли его медленно вернулись к разговору, который мисс Ирвин прервала, спросив о дереве.

— Нет, я не пойду ни на какой митинг «Прогрессивной ассоциации», мистер Макнелли,— заявила она минуту назад.— Меня не интересуют групповые поселенцы¹. У меня своих дел по горло.

«Вот и весь сказ,— размышлял Макнелли.— Пока ничто не мешает ей в жизни, пока сад будет приносить доход, на все остальное мисс Ирвин наплевать».

За зиму уровень воды в реке поднялся, и вода залила прибрежные фермы. «Прогрессивная ассоциация» собрала деньги в помощь пострадавшим, снабжала их продуктами и одеждой. Теперь банки требовали оплаты процентов покладным, угрожали наложить арест на чеки, которые выдавал поселенцам маслобойный завод за сливки. Поселенцы сплотились, они решили протестовать против захвата единственного их надежного денежного дохода на целый год. Вся округа поддерживала их. Некоторым фермерам грозило выселение, в их числе Тому Риджу с женой и пятью детьми. «Прогрессивная ассоциация» созвала митинг протеста. Большинство садоводов — владельцев прекрасных сухих земель на возвышенности — готовы были участвовать в митинге. Но мисс Ирвин все это попросту не интересовало.

Макнелли криво улыбнулся, вспомнив, как мисс Ирвин запретила школьникам, живущим за рекой, пользоваться дорогой, пролежавшей на ее земле, рядом с садом, и повесила дощечку с надписью: «Прохода нет! Нарушители караются по закону!». До того, как она купила ферму «Нанья», ребята заречных поселенцев ходили по этой дороге в школу, выгадывая мили две расстояния, но мисс Ирвин это не беспокоило. Кто-то сказал ей, что если она позволит детям пользоваться дорогой, через

некоторое время это будет считаться узаконенным.

Участок Риджей был за рекой, как раз против фермы мисс Ирвин. Когда Том Ридж построил хижину и вместе с женой и детьми начал расчистку земли, мисс Ирвин заявила, что поселять в таком месте людей — преступление и со стороны Риджей просто глупо думать, что они здесь чего-нибудь добьются. Она издала наблюдения за тем, как они корчевали пни и выжигали участок, и их неуклюжие повадки горожан вызвали у нее презрительную усмешку...

Зимой земля Риджей превратилась в сплошную трясику. Но как только чуть подсохло, участок вспахали и засадили картофелем. Потом построили сарай. В хозяйстве появилось несколько тощих коров, бидоны с молоком отвозили на маслобойный завод. Но с каждым годом рой оборванных, худеньких ребятшек на участке Риджей все увеличивался. Завидев мисс Ирвин, они сейчас же принимались нахально горланить: «Нарушители караются по закону!». Их пронзительный смех врвался в уши Одри, когда она пахала или подрезала деревья.

Смуглый, крепко сложенный Том Ридж был шахтером у себя на родине, потом воевал. Он немного смахивал на цыгана, по мнению Макнелли. Во всяком случае, пел и говорил, как цыган, и любил слушать звук собственного голоса на собраниях или когда орал у себя на участке. Жена его была маленькая, тоненькая, с ноготок, никогда нельзя было бы подумать, что она могла народить такую кучу детей.

Мисс Ирвин негодовала:

— Если люди не в состоянии кормить и одевать детей прилично, нечего заводить их.

— Ну, разумеется,— соглашался Макнелли,— да им и самим не следовало появляться на свет божий — ни мужчинам, ни женщинам, с их привычкой плодиться.

Миссис Ридж не могла нарадоваться на своих ребят и вечно возилась с ними, как наседка с цыплятами.

— Они славные малыши,— говорила она,— и с ними никаких хлопот.

Что стал бы делать Том без старших мальчиков? А Бесси — та отлично помогала ухаживать за маленькими. Конечно, нелегко прокормить и одеть такую ораву, пока хозяйство еще только входит в силу, но через некоторое время Тому уже не придется трястись над каждой копейкой, чтобы выплачивать проценты за землю. Ферма станет наконец их собственной, и тогда все пойдет на лад.

Часть поселенцев, невзирая на весь труд, вложенный в расчистку участков и обработку почвы, после первых двух — трех лет отказывалась от своих ферм: они отчаялись хоть когда-нибудь извлечь из них средства к существованию. Другие с мрачным упорством продолжали держаться за свои участки. Они не могли махнуть на все рукой: дело ведь шло о земле, об их труде на ней. Некоторым удавалось сводить концы с концами и даже приобрести кой-какой скот и бидоны для молока; но все поселенцы просрочили платежи банку. Многим грозило выселение. Том Ридж в числе других получил уведомление: он должен покинуть ферму.

Мисс Ирвин все это оставляла равнодушной. Макнелли даже думал, что она будет рада избавиться от Риджей и их малышек. С тех пор, как эта семья поселилась за рекой, она стала постоянным источником досады и раздражения для Одри.

Мисс Ирвин невзлюбила в поселке «Три холма» после того, как она запретила школьникам проходить через ее участок. Только

Макнелли поддерживал с ней нечто вроде дружеских отношений. С ним мисс Ирвин делилась всеми заботами, связанными с садом. Макнелли как бы состоял в должности ее добровольного советника. Всю тяжелую работу Одри выполняла сама: пахала, подрезала деревья, ничего не жалела для того, чтобы как следует удобрить и обработать землю.

Макнелли было уже далеко за семьдесят; он чувствовал, что силы его убывают, и завидовал здоровью и выносливости мисс Ирвин, по своему восхищался ею, ее трезвым, практичным умом. В душе он соглашался с соседями, считавшими мисс Ирвин эгоисткой и мелочной старой девой, но к нему она всегда относилась весьма дружелюбно.

«Застывший сок... — Мысли его вернулись к вопросу, заданному Одри.— Сок поднимается по стволу, но вдруг холодный ветер или другая беда пугает его, заставляя уйти обратно в корни. И когда появляется солнце, дерево уже не успевает ни зацвести, ни покрыться листвой».

— Ну, что ж,— нетерпеливо ответила Одри,— если и в этом году оно не даст плодов, мы его уберем.

— Нет,— с привычной шотландской осторожностью заметил старик.— Зачем же? Надо попробовать посадить рядом с ним другое дерево. Может, это подкрепит его, придаст ему больше уверенности в себе. Или сделать прививку. Данхолм ведь поздний сорт. Попробуйте посадить рядом или привить ему ранний Ньюкаслский, и тогда вы еще соберете богатый урожай.

— Я сейчас же пошлю за Ньюкаслским,— согласилась Одри.

— То же самое происходит и с людьми,— задумчиво промолвил старик.— Застывший сок не дает им цвести и плодоносить... Может быть, по тем же причинам.

Одри пристально взглянула на него, лицо ее покраснело от гнева. Уж не осмелился ли Макнелли выговаривать ей? Наверно, наслушался сплетен в городке. Тут всего можно ожидать. Но Макнелли! Нет, она не может себе позволить поссориться с ним. Он ей слишком нужен.

— Это намек на меня,— сухо бросила она.— Все вокруг, как видно, решили, что я сварливая старая дева, и вы — тоже.

— Ну что вы! — мягко ответил старик, и его серые глаза засветились теплой мудрой улыбкой.— Но ни дереву, ни человеку нехорошо жить одному, мисс Ирвин. Вы должны простить меня. Я просто думал вслух.

«Новая сплетня»,— решила про себя Одри; но она не могла сердиться на Макнелли. Его искренность и простота обезоруживали ее.

— Мистер Макнелли,— решительно сказала она.— Мне наплевать на то, что говорят. Детство и юность мои испортила эгоистичная старая женщина — моя мать. Она считалась инвалидом; на самом же деле она ничем не болела, а мне пришлось ухаживать за ней много лет. Она не позволяла мне иметь ни одной собственной мысли, никогда не давала делать то, что мне хотелось... Когда она умерла, я решила: буду делать все, что мне хочется, не обращая внимания на то, что подумают или скажут люди. И вот я купила эту ферму. Истратила все деньги, какие могла собрать. Я должна добиться, чтобы она приносила доход.

— Да, да,— согласился старик.— У всех у нас есть свои трудности, и мы стараемся справиться с ними кто как может. Но...

— Я знаю, что вы хотите сказать,— прервала его Одри.— Жалеете, что я не выхожу замуж за хорошего человека — он помог бы мне управляться с садом?

¹ Групповые поселенцы — бедные фермеры или иммигранты, которым разрешалось приобретать в долг небольшие участки земли на ссуду Сельскохозяйственного банка. В некоторых местах они объединялись в группы, но возделывали свои земли индивидуально. Банк начислял на ссуды высокие проценты. Многие фермеры, получившие неплодородные земли, были не в состоянии выплачивать проценты вовремя; тогда им грозило выселение и полное разорение. (Прим. автора.)

Макнелли снова перевел глаза на дерево. — Мы говорили о цветах, и плодах, и о застывшем соке, — сказал он.

Взглянув на нее, он невольно подумал о том, насколько сама она, всей своей приземистой фигурой, строгим загорелым лицом, кудрявыми светлыми волосами, которые ветер волнистыми прядями отбрасывал назад, напоминает дерево.

Одри почувствовала некоторое замешательство, словно Макнелли имел в виду не брак и мужа, как нечто прочное и надежное, а как бы оправдывал ходившие сплетни или, во всяком случае, пытался извиниться за них.

Рей Глисон провел в «Нанье» всю зиму. Он был болен и сидел на мели. Чистый воздух и хорошая еда поставили его на ноги. Мисс Ирвин считала его одаренным юношей. Ей нравились стихи и пьесы, которые он писал урывками в свободное время — на хлеб он себе зарабатывал журналистикой.

Когда Одри встретила его однажды около рынка, Рей выглядел ужасно; он признался, что за день до этого просто упал в обморок за рабочим столом. Врач велел ему уехать в деревню, дышать свежим воздухом и есть простую здоровую пищу. Рей усмехнулся: его, видимо, забавляло это врачебное предписание. Но мисс Ирвин окинула взглядом его тощую юношескую фигуру, худое, бледное лицо и смелые глаза, и вдруг ее охватила какая-то неистовая предприимчивость.

— Поедем ко мне, Рей. Поживете на воздухе, подкрепитесь, отдохнете.

Рей ухватился за это предложение.

Одри подозревала, что он чувствует себя осиротевшим ребенком, хотя выглядел он вполне самостоятельным человеком, умеющим постоять за себя. Они познакомились давно в одном приморском пансионате; там завязалась их спокойная дружба.

Конечно, Рей был намного моложе ее. Одри всегда смотрела на него как на многообещающего юношу, остроумного и по-своему гордого. Но в те зимние месяцы Рей оказался чудесным компаньоном. Он заметно повзрослел, загорел, раздался вширь, ел невероятно много, спорил с ней по поводу всего на свете, смеялся над ее стычками с соседями из-за права проходить через участок или пользоваться ее насосной установкой на реке. Он решил для себя, как нечто само собой разумеющееся, что может появляться в «Нанье» и исчезать, когда ему неудобно.

На протяжении года он иногда звонил по телефону, чтобы сообщить о своем приезде на субботу и воскресенье, и не обижался, если Одри, не вдаваясь в объяснения, говорила, что ей это неудобно.

Дело в том, что мисс Ирвин весьма встревожилась, обнаружив, что в городке Рея считают ее любовником. Дамы из «Женской ассоциации» отворачивались, когда она при встрече, как обычно, приветствовала их быстрым кивком головы. Мисс Ирвин поражало, с каким осуждением они смотрели на нее. Сначала ей и в голову не приходило, в чем тут дело. И только получив анонимное письмо, убеждающее ее «не губить свою бессмертную душу греховной связью», Одри поняла все. «Откажись от своего любовника, дорогая сестра, — увещевал неизвестный автор письма, — плоть слаба, но милосердие божие может всех нас спасти от вечного проклятия».

Одри была потрясена. Она не могла придумать, как опровергнуть грязную сплетню маленького, провинциального городка, не поставив себя в смешное положение. Она содрогалась при одной мысли о том, что до Рея может дойти эта сплетня. Какая нелепость! Как он будет рычать от восторга, узнав, что ему приписывают роль ее любовника!..

«Ни о каком флирте с Реем даже и мысли не было», — уверяла себя Одри. Она никогда в жизни не флиртowała ни с кем и не знала даже, как это делается.

Правда, за последнее время Рей стал совсем взрослым и держится увереннее. Одри lystило то, что он делился с ней всем, что его возмущало или радовало. Хотя оба они привыкли идти своей дорогой в одиночку, почему-то приятно было вместе обсудить сделанное, поговорить о планах на будущее. Вот и все — ничего другого тут не было. Да и не могло быть! Ведь она ему в матери годится, напоминала себе Одри. Какое дурное направление мыслей у этих людей: они не допускают, что женщина в ее возрасте может хорошо относиться к молодому человеку, не будучи его любовницей!

Верно, Рей часто называл ее «милая» и «дорогая». Но Одри не обращала на это внимания. Она слишком часто слыхала, как легко и небрежно люди говорят друг другу «милая» или «милый», чтобы вкладывать в эти слова какой-то особый смысл. Одри даже старалась не замечать, когда Рей иногда мимоходом бросал ей эти слова, — пусть не думает, что она придает этому какое-нибудь значение.

Он произносил эти слова тем же тоном, каким кричал с другого конца сада: «Я загоню твоих коз, Одри!»

Мисс Ирвин твердо решила ни в коем случае не отступать перед нелепой сплетней. Она больше обычного обрадовалась приезду Рея в следующую субботу: сама встретила его на станции и болтала с ним, сидя в машине около почты, где собрались люди со всей округи, ожидая писем. Одри сознавала, что это чистая бравада, но ей приятно было ощущать свое равнодушие к глупым сплетницам и свою полную независимость от них.

В тот же день, когда Одри, переодевшись

в синие брюки, отправилась верхом загонять коров, Рей, к ее удивлению, последовал за ней на скотный двор. Он наблюдал, как она доила своих двух джерсейских коров.

Остановившись на дорожке полюбоваться закатом, Рей обнял Одри одной рукой и весело сказал:

— Господи, я по уши влюблен в вас, знаете, Одри!

— Глупости! — бросила она, отводя его руку.

— Почему? — спросил он.

— Я в матери вам гожусь, — быстро ответила она.

— Ерунда! — Он взглянул на нее снова, и лицо его вдруг стало удивительно старым и усталым. — На этой неделе мне исполнилось тридцать. Когда я в городе, меня неудержимо тянет увидеть вас — вот так, за работой в саду, мужественную, спокойную, не боящуюся ничего, что может случиться в жизни.

— Я не так уж уверена в этом, — ответила Одри. — Просто я нашла то, за что можно хватиться: мой сад. Вот и все.

Она шла вверх по дорожке с ведрами молока в руках. Зачарованный закатом, Рей остался на месте. Его насмешливый голос донесся до нее:

— Я загоню твоих коз, Одри!

«И чего ради он упорно повторяет ей эту фразу?» — недоумевала Одри. Коз у нее не было.

Одри процедила молоко, разлила его в кастрюли и поставила в печь. Когда Рей вернулся, она уже переоделась в голубое полотняное платье и готова была поиздеваться над ним за сонет в честь заката, который он сочинял, пока она трудилась.

За обедом Одри болтала без умолку: о богатом приплоде поросят, о видах на урожай, о том, что в углу сада нашла несколько дохлых кур. Она даже побранилась из-за этих кур с Томом Риджем. Тот утверждал, что по соседству появилась лиса, а Одри считала виновницей гибели кур тощую дворняжку Риджей. Одри предупредила, что разбросает отравленные приманки, и этим привела в бешенство Тома Риджа. Он сказал, что его свиньи всегда убегают из загородки на нижний выгон. Дети, правда, всегда загоняют их обратно, но если они успеют сожрать отравленную приманку, то случится беда. Что же, пусть держит своих свиней на заборе и собаку тоже — вот и все!

Рей ел с аппетитом, но слушал как-то рассеянно: не отпускал своих обычных шуток по поводу новостей на ферме и стычек Одри с соседями.

Какое-то стесненное молчание воцарилось между ними.

После обеда Рей растянулся в кресле перед огнем, посасывая трубку, мрачный и задумчивый. Одри не могла расшевелить его. Подбросив дров в камин, она украдкой начала наблюдать за Реєм; лицом он выглядит гораздо старше своего возраста, решила она. Это лицо человека, много перенесшего, выдержавшего тяжелую борьбу за существование, а тело — худощавое, юношеское, в глазах, карих, в крапинку, сквозь сверкающую улыбку молодости светится насмешливая мудрость и жизненный опыт.

Себялюбивый, чуткий, умный, безответственный — таким считала его Одри; не была ли она несправедлива к нему, задала она себе вопрос. Рей с детства много работал. У него твердый характер, он вынослив; его веселость носит, правда, несколько мрачный оттенок. Как будто он научился смеяться над всем трагическим в жизни и таким образом избавляется от него.

— Вы удивительно наивны, не так ли, Одри? — сказал он, растягивая слова.

— Разве? — отпрянула она.

— Вы знаете, что я влюблен в вас, — медленно произнес он. — И весь вечер вы сидите перепуганная насмерть, если можно так выразиться.

— Глупости, — задохнулась Одри, как будто шла ко дну. — Я...

— Вы... не годитесь мне в матери. Если только не были зрелой девицей лет в десять или около этого. Нелепо повторять такую чепуху. На деле я гораздо старше вас. Я знаю о жизни, ее соблазнах, о людях и о дьяволе гораздо больше, чем вы когда-нибудь узнаете...

На мгновение у Одри мелькнула мысль сочинить себе богатое прошлое и обрушить его на голову Рея, но в ее воображении никак не

возникали какие-либо подробности. Вместо этого она произнесла:

— Возможно.

— Вы отгородились от жизни — боитесь. Я пытался как-то по-своему приспособиться к этому, даже к этому! Я люблю вас. Придется вам примириться с этим, привыкнуть к этой мысли.

* * *

В потоке синих ясных дней пришло лето. Рей взял отпуск, когда начали созревать абрикосы. Одри была рада ему, как и всякому, кто мог помочь ей убрать первые нежные плоды. Ее ранние абрикосы были лучшими в округе; но ей приходилось вставать на рассвете, чтобы уберечь плоды от птиц и проследить за сбором и упаковкой. Работая от зари до сумерек на солнцепеке, загоревший, потный, с ноющими руками и шеей, Рей клялся, что сбор абрикосов оказался совсем не таким идиллическим занятием, как он предполагал.

После захода солнца Одри все еще упаковывала фрукты, а Рей прибывал крышки к ящикам. На заре Одри уезжала на рынок, а Рей вместе с двумя местными женщинами, нанятыми на сезон, продолжал сбор урожая. Когда она возвращалась из города, Рей заставлял ее поесть и поспать немного. Но через час — полтора Одри снова появлялась в саду, беспокойная, ненасытная в своем стремлении как можно больше заработать, используя высокие цены за ранние абрикосы. Она считала, что никто не может сравниться с ней в сборе и упаковке фруктов.

— Я могу отдохнуть после уборки урожая, — заявляла она.

Но однажды — это было после полудня — она свалилась с лестницы, раздавив абрикосы в сумке, висевшей у нее через плечо.

Едва Одри пришла в себя, она прежде всего с досадой подумала о раздавленных абрикосах. Еще больше она разозлилась, увидев Макнелли и обеих женщин, молча уставившихся на нее, и услышав восклицание Рея: «Одри, Одри! Дорогая, вы не ушиблись?»

Как все глупо получилось, и сколько абрикосов пропало! А самое худшее — Рей при всех говорит такое!

Некоторое время она не могла сделать ни одного движения. Глаза ее не переносили света, она не могла смотреть на окружающих. Она словно погрузилась в трясину из густой абрикосовой массы, сквозь которую вырисовывались мрачные величавые силуэты деревьев, отталкивающих ее темными ветвями.

Рей с Макнелли сделали носилки и перенесли Одри в дом. Она сначала уснула, а когда проснулась, начала бредить. Рей послал за врачом, просидел подле нее всю ночь, меняя холодные компрессы на голову.

На следующее утро, не имея представления о том, сколько времени она пробыла в забытьи, Одри села в постели и произнесла решительным тоном:

— Со мной все в порядке. Наверно, просто голова закружилась или еще что-нибудь...

— Доктор велел вам лежать, вечером он снова заедет, — сказал Рей.

Одри решила, что он шутит, и встала с постели.

— Кости целы, — заявила она и выпрямилась. Но лицо ее перекошилось от боли.

— Ушиблась немного и перепугалась. Вот и все. Фунтов шесть абрикосов испортила, Рей.

— Черт с ними, с абрикосами! — ответил Рей.

— Нечего волноваться из-за пустяков. — Одри напрягла все силы и пошла к двери. — Я иду в сад.

Она добралась до двери и ухватилась за нее, но тут все закружилось и поплыло у нее перед глазами.

— Пожалуй... лучше не идти, — произнесла она слабым голосом, помолчав немного. Рей помог ей лечь обратно в постель.

— Не беспокойтесь, дорогая, — мягко сказал он. — Я сделаю все сам. Сегодня ночью отвезу абрикосы. Все, что вам нужно, — это отдохнуть немного, и через день — два вы поправитесь.

— Хорошо, — едва слышно прошептала Одри.

Целую неделю Одри могла только лежать и смотреть, как Макнелли и обе женщины со-

бирали абрикосы в саду. Когда она пробовала встать, голова начинала кружиться и ноги подгибались. Рей следил за сбором и упаковкой. К тому времени, как она выздоровела, он успел отвезти на рынок все абрикосы и часть ранних персиков.

* * *

Никто не был удивлен больше самой Одри, когда она вышла замуж за Рея после сбора урожая в том же году. Она так никогда и не могла до конца понять, как это случилось. Ей ясно было одно: что Рей — малый упрямый, а она испытывала чувство благодарности к нему за любовь и желание жениться на ней. Он сумел стать для Одри необходимым во многом и убедил ее, что возраст — это не число прожитых лет, а жизненный опыт.

Некоторое время в их семейной жизни все шло хорошо.

О том, чтобы Рей бросил службу или Одри изменила свой образ жизни, не было и речи. Он по-прежнему работал в газете: большую часть субботы и воскресенье проводил, работая над книгой или стихами. Одри же пахала, подрезала деревья, опрыскивала сад, доила коров и проклинала кур, которые из благоустроенного птичника удирали класть яйца в люпин или в высокую траву на пастбище.

Совместная жизнь казалась обоим удобной, и они были довольны ею; они радовались товарищеской независимости своих взаимоотношений, нежной своей любви. Покоренная и обеспокоенная, Одри досадовала на Рея за его власть над нею. Его сдержанные остроты порождали в ней ощущение собственной неполноценности. Счастье, которое он принес ей, подобно бурной, неотразимой мелодии, вызвало в ней противоречивые чувства. Ей хотелось быть веселой, кокетливой, привлекательной, хотелось иногда побездельничать с Реєм. И в то же время она упорно и цепко держалась за свою работу в саду, за свои укоренившиеся привычки, сохранила резкость манер и при посторонних разговаривала с Реєм, как с чужим.

Он понимал происходящую в ней борьбу и посмеивался над ней.

— Ты не можешь мне простить то, что я вторгаюсь в твою жизнь, заставляю тебя крас-

нет, что я тебе немного нравлюсь, правда, дорогая?

Одри сознавала свое смутное. Не только как муж — ее муж, но и как некая сила, вошедшая в ее бытие, Рей поколебал и перевернул ее сложившиеся взгляды на все: на музыку, литературу, религию и политику. Жизнь ее никогда еще не была такой волнующей, удивительной, восхитительной.

Как приятно было ее смотреть на вещи проще, дать волю своему стремлению к счастью с Реєм! Но она не создана для этого, говорила себе Одри. Она воспитана в недоверии к тонким чувствам.

Привычку к бережливости, осторожности, расчетливости она всегда считала главной добродетелью. Она не могла ничего сделать, не рассчитав предварительно, каковы будут последствия. Последствия для Одри Ирвин, для ее спокойствия и благополучия. Принесет ли ей пользу или урон малейшее одолжение, сделанное кем-либо ей, или услуга, которую она окажет другому. «Надо быть осторожней, если хочешь как-то пробыть в этом мире», — думала она.

Рей начал полнеть, полюбил возиться в саду, хотя больше разговаривал, чем работал, как отмечала Одри. Через некоторое время он уже с трудом заставлял себя съездить в город; писать стал только изредка, когда находило вдохновение.

«Он толстеет и очень уж послушен жене!» — восклицали друзья.

Они целыми стаями слетались в «Нанью» на воскресенья и на праздники, чувствуя себя, как дома, и принимая Одри как стихийное бедствие или другое необъяснимое, но неизбежное явление природы. Они относились к ней в общем по-дружески, считая, что Рей поступил хорошо — и для себя и для друзей, — женившись на обеспеченной женщине с домом в деревне, куда они могут приезжать, когда им заблагорассудится.

При первом их посещении Одри сумела быть любезной и очаровательной. Она кормила друзей Рея заливным из цыплят, туловыми ягодами со сливками, предоставила им веранду для танцев, проводила гостей на реку купаться при лунном свете, устроила удобно на ночь. Ее немного беспокоило то, что ее гостеприимство они принимали как нечто само собой разумеющееся и что так продолжалось весь летний сезон; они завели привычку собираться в «Нанью» так, как будто ферма принадлежала им; являлись во всякое время дня и ночи, затевали стряпню и мытье посуды, когда им вздумается, на ночь располагались на веранде или на диванах в столовой.

Сначала все шло очень весело и приятно; но среди друзей Рея было слишком много молодых и хорошеньких девушек, чтобы Одри могла быть вполне спокойной. Видеть, как они бродят вокруг, завладев и Реєм и садом, словно и то и другое их собственность, было свыше ее сил. Одри одиноково негодовала и при виде того, как гости беззаботно целуют Рея, и наблюдая, как они срывают незрелые персики и бросают их недоеденными.

— Не хлопчите их нас, Одри, — говорили они. — Лишь бы вас не беспокоили наши неожиданные приезды, вот как сейчас. А нам ведь немного надо, мы сами позаботимся о себе.

— Меня беспокоят эти приезды, — сказала однажды Одри Рею. — Мне не нравится, когда весь дом полон спящих людей и в кухне творится бог весть что.

— Да, это уже чересчур, — согласился Рей. — Но они считают тебя такой славной, и мне так приятно похвастаться тобой, родная!

— Все равно это надо прекратить, — сердито сказала Одри. — Если на всю ночь заводят патефон, я не могу спать, не могу работать как следует на другой день.

Она не хотела командовать Реєм, выглядеть скупой в его глазах, но хотела, чтобы он почувствовал себя ненужной роскошью в сложившемся укладе ее жизни.

В конце года рынок оказался заваленным фруктами; сбор и упаковка поздних абрикосов не окупались. Одри пришлось просто раздавать их поселенцам, и она чувствовала себя несчастной. Она часто заговаривала о дороговизне жизни и о том, что необходимо сократить расходы.

— Я выращиваю фрукты не для развлечения

и не для того, чтобы кормить поселенцев и твоих друзей, — с раздражением как-то сказала она Рею.

— А почему бы и нет? — заметил он.

— Не остри, — отрезала Одри. — Сад должен окупать себя.

— Не вижу в этом необходимости, — произнес Рей, аппетитно зевнув. — Тебе ведь не приходится беспокоиться о платежах, об уплате процентов по закладной, как тем горемыкам из поселка. Ферма — твоя собственность. И на жизнь тебе хватит, даже если ты палец о палец не ударишь.

— Не в этом дело, — настаивала Одри. — Я стала садоводом и должна добиться успеха!

— Профессиональная гордость и все такое прочее, — насмешливо произнес Рей. — Но не забудь, что у тебя есть муж, который должен заботиться о тебе, дорогая. На худой конец я всегда заработаю нам на корку хлеба.

— Если рассчитывать на твой заработок, с голоду умрешь, — со злостью ответила Одри; ей уже хотелось испортить ему настроение. Рей молча посмотрел на нее.

— Что ж, если ты так думаешь, мне тогда, пожалуй, лучше смотреться отсюда, — сказал он и отвернулся.

Утром Одри нашла на кухонном столе записку от Рея:

«Уехал подработать немного на хлеб, на случай, если тебе это когда-нибудь понадобится».

Внезапный отъезд Рея и эта нелепая записка вызвали в ней боль и обиду.

Одри не могла вспомнить, каким образом у нее вспыхнула ссора с миссис Браун, которая служила у нее кухаркой. Дело кончилось тем, что миссис Браун выложила Одри, что она думает о ней.

— Я в жизни не видела такой чудачки и жадины, как вы, — сказала миссис Браун. — Не удивительно, что он бросил вас. Бог знает, почему этот молодой человек женился на вас, верно, ему туго пришлось, вот что я вам скажу!

Миссис Браун собрала свои вещи и ушла в тот же день. Теперь она еще больше разукрасила сплетню о Рее и о ней — Одри это знала.

Уход Рея будет главной темой разговоров в поселке на много дней. Не все ли ей равно? Одри крепче сжала губы. Ее брак с Реєм был ошибкой — теперь она в этом уверена. Своим уходом он унизил ее перед соседями. Что же, эксперимент окончен. Если они снова встретятся, то только как чужие. Есть вещи, которые нельзя простить: когда из тебя делают дурочку, например.

В конце лета делать в саду было почти ничего, и Одри не стала нанимать другую женщину для работы по дому, жила одна, вновь и вновь переживая свою обиду. Она решила, что Рей пожалел о том, что женился на ней, и через некоторое время попросит освободить его: дать согласие на развод. Тогда всю эту историю можно будет вычеркнуть из памяти. Она больше не станет проводить из-за него ночи без сна.

Если бы только она могла не думать о нем так много, говорила себе Одри, не слышать, как в сумерках звучит его голос из сада: «Я загоню твоих коз, Одри!».

В то лето штормовой ветер раздул затухавший пожар в горах. Пламя бушующим потоком мчалось через лес.

Холмы вокруг «Наньи» были все покрыты девственным лесом. Просека вокруг сада и дома обычно защищала ферму от лесных пожаров; но ветер дул с такой страшной силой, неся издали искры и горячие листья, что мало было надежды спасти что-либо от огня, пожравшего все на своем пути.

Одри охватил ужас, когда огонь с ревом устремился к ее дому с поросших лесом холмов, наполняя воздух клубами свинцового дыма. Единственное, что она может сделать, чтобы спасти сама, решила Одри, это забраться в цистерну с водой или спуститься к реке.

Когда огонь бешено запылал и затрещал вокруг, мчась по траве, развеваясь полотнищами пламени по верхушкам деревьев, Одри побежала на луг около реки, где в испуге металась ее лошадь, то пускаясь в галоп, то останавливаясь, нюхая воздух и храпя в страхе перед приближающимся пламенем. Одри хотела поймать коня, сесть в седло, загнать Том в реку, но в эту минуту примчался Том

Ридж, миссис Ридж и с полдюжины ребятишек.

— Боб сейчас на вашей лошади отгонит коров к реке, а потом переправит их к нам! — крикнул Ридж. — Если посчастливится, пожар не перекинется на ту сторону. Возле брода река преградила ему путь. Снесите все шланги к дому и налейте воды во все ведра!

Одри побежала обратно к дому. Риджи принесли с собой мешки. Она показала им все цистерны с водой вокруг дома, притащила шланги, из которых поливался сад. Ребята Риджей намочили мешки. Миссис Ридж собрала все ведра, освободила железные ящики мусора и все наполнила водой.

— Может, нам еще удастся спасти дом, — крикнул Ридж, — а не выйдет — мы сможем укрыться от огня на вспаханной земле в саду!

Пламя уже охватило деревья в саду, оно жадными огненными глотками пожирало зеленую листву. Когда загорелась веранда, Одри решила, что безнадежно пытаться спасти дом, но миссис Ридж начала сбивать пламя струей из шланга, а Том и мальчики бросились на него в атаку с мокрыми мешками.

Трое ребят все время бегали через дом, наполняя ведра водой. Одри почти потеряла рассудок и не помнила, что она делает. Когда запылали шторы на окне спальни, она крикнула, что лучше бросить дом и уйти к реке.

— Не унывайте, — заорал Ридж, — мы еще отстоим его!

Он сорвал шторы, стал топтать их ногами, потом бросил на них мокрые мешки. Загорелось тонкое ситцевое платье на миссис Ридж; Том обдал ее струей воды из шланга. Воздух был полон дыма, дети сновали взад и вперед с ведрами воды, кашляя и чихая, обливаясь слезами. Одри чувствовала, как от страшной жары кожа ее сохнет и сжимается, как кора дерева, а платье становится хрупким и ломким, как бумага. Оно даже уже несколько раз начинало тлеть, когда случайная искра попадала на него.

Клуб дыма вырвался из-под крыши. Том Ридж вскарабкался по столбу наверх, сорвал лист железа и стал заливать это место водой, а ребята передавали ему ведра, пока пламя на крыше не погасло.

Меньше чем в двадцать минут огонь охватил весь край сада. Там и сям загорались деревья, но широкая полоска расчищенной земли и расстояние, отделявшее деревья друг от друга, спасли большинство из них. Потом загорелась конюшня. Риджи устремились к ней. Одри побежала вслед за ними.

— А как же ваш дом? — крикнула она.

Ридж смерил взглядом силу огня, низвергающегося по склону холма к реке. Рубашка Риджа, верней, то, что оставалось от нее, промочка от пота и прилипла к телу. С красной, обожженной кожей, черной от дыма, он с минуту стоял неподвижно, фыркая, как лошадь, чувствуя опасность. Дети и миссис Ридж, тоже обожженные и красные, молча наблюдали за ним. Одри, такая же обожженная и черная, в наполовину сгоревшей блузке, с опаленными бровями и ресницами, пузырями на руках, ничем не отличалась теперь от них.

— Черт! — произнес Ридж. — Огонь пошел вниз по реке!

— Бесси и маленький! — вскрикнула миссис Ридж и стремглав понеслась к своей ферме.

Ридж бросился за ней, дети помчались им вслед. Одри тоже хотелось последовать за ними, но она боялась оставить дом: а вдруг какая-нибудь из почерневших балок продолжает тлеть и пожар вспыхнет снова?

Она вернулась к дому, но, еще не дойдя до него, увидела, что загорелись прибрежные луга. Потом пламя перескочило через реку и ураганом бросилось на ферму Риджей, скрыв ее в клубах дыма и огня.

Вне себя от страха, Одри побежала через сожженное пастбище к реке.

Стена огня закрыла от ее глаз расчищенный участок Риджей, дальше, до самой реки, бушевало пламя. Сверху, над огнем, все обволокло желто-черными клубами дыма.

Одри кричала изо всех сил, но поняла, что голос ее тонет в реве огненной бури. Почти теряя рассудок при мысли о том, что Ридж, его жена и дети пойманы, как в ловушке, в кольце огня, Одри вошла в воду и переждала, пока ветер отогнал пламя в сторону. Перед ней лежала черная, опустошенная огнем, еще

тлеющая и дымящаяся земля. Одри снова стала звать Риджей. До нее донесся ответный крик. Том Ридж с семьей шли к ней, осторожно ступая по обуглившемуся полю.

Все, кроме Боба, были налицо.

— Видя, что огонь приближается к их ферме, Боб угнал коров вдоль по реке к глубокому пруду, — рассказывал Том. — У этого парня голова на месте, — добавил он.

Остальные укрылись в цистерне, до половины налитой водой. Все, что произошло, уже казалось им забавным приключением. Они смеялись, рассказывая о том, как втискивались в цистерну и потом вытаскивали друг друга оттуда, чтобы не утонуть и не сгореть.

Одри удивляло веселое настроение Тома Риджа, спокойствие его жены. От маленького, похожего на коробку деревянного домика, в котором они жили, от их домашней утвари не осталось ничего, кроме кучки пепла. Но Том сказал сыновьям, что завтра спозаранку надо взяться за дело и построить хижину для матери. А пока все они смогут ночевать на мешках в сохранившейся части коровника. Если бы только достать немного суперфосфата, можно засеять выгоревшее поле. Трава после дождей вырастет быстро, корма будет достаточно. Но вот коровы — как сделать, чтобы они продержались, пока зазеленеют луга? Ведь все вокруг сгорело: нигде ни листика, ни травинки.

— Я пошлю в город грузовик за сеном, мистер Ридж, — сказала Одри. — Этого нам хватит.

Она приютила у себя семейство Риджей на ночь. Миссис Ридж и младшие дети жили в «Нанье», пока Том со старшими сыновьями строил новый деревянный домик: стены соорудили из вертикально поставленных бревен, крышу покрыли корой.

* * *

— Тома Риджа грозят согнать с фермы, мисс Ирвин, если до конца месяца не покроет задолженность по процентам, — сказал как-то Макнелли в конце зимы.

Ее так и не привыкли называть миссис Глисон.

После медового месяца Одри, как и надлежит солидной замужней женщине, возражала против того, чтобы ее называли мисс Ирвин; но теперь ей нравилось, что Макнелли и другие по-прежнему обращаются к ней, как к «мисс Ирвин»; приятно было думать, что она сохранила свою свободу, невзирая на это кратковременное замужество.

— Они не смеют! — воскликнула Одри. — Они не могут отнять у человека землю, которую он сам расчищал и обрабатывал, за которую он уже внес столько денег!

— Почему бы вам не вступить в «Прогрессивную ассоциацию» и не сказать, что вы думаете? — спросил Макнелли.

— Конечно, я вступлю, — ответила Одри. — Ничего подобного я никогда не слышала, это возмутительно! Вышвырнуть из дома человека с женой и восьмью детьми только потому, что сейчас цены на рынке стоят такие низкие, что даже не покрывают затрат! Том Ридж показал, что можно сделать с этим проклятым болотом голыми руками, если только настойчиво и упорно работать...

В день, когда ожидалось выселение Риджей, садоводы и фермеры из близлежащих местностей собрались на участке Тома. Мужчины и женщины, дети — почти сто человек. Мисс Ирвин была среди них.

Когда судебные исполнители в сопровождении конного полицейского прибыли на ферму, им пришлось силой пробиваться сквозь толпу. Когда они попытались войти в дом, началась драка. Полицейский врезался в толпу женщин и детей.

— Стыдитесь, мистер Мэрфи! Пусть уж банк сам делает свое грязное дело! — раздался голос мисс Ирвин.

Мистер Мэрфи послушался и ретировался с места действия. Судебные исполнители, люди местные, последовали за ним. Говорили, что у них и не было охоты участвовать в этом деле.

— Поразительно, как быстро борьба против выселения вытянула мисс Ирвин из ее раковины! — удивлялись местные сплетники.

Кому бы ни угрожал выселение, она возглавляла кампанию отпора. Стала казначеем

комитета защиты, собирала деньги, устраивала поездки в город и соседние районы. Макнелли заявил, что она прирожденный организатор.

Но однажды утром на заре Тома Риджа с семьей все же выселили. Неожиданно нагрянули судебный исполнитель и десятка два полицейских, присланные из города, и захватили поселенцев врасплох. Тома Риджа арестовали за сопротивление полиции и увезли в тюрьму, находившуюся в городе, в двадцати милях от поселка. Всю мебель погрузили в машину и вместе с миссис Ридж и детьми отправили в город, прежде чем кто-либо успел узнать об этом.

Мисс Ирвин пришла в ярость. Она поехала в Три Мили (так назывался городок) и привезла миссис Ридж с детьми в «Нанью». Одна из младших дочерей была больна, а миссис Ридж ждала девятого ребенка.

Мисс Ирвин взяла на себя хлопоты по отправке в столицу делегации, которая должна была побывать у министра земледелия и у члена парламента — представителя их округа. Именно тогда она снова встретилась с Реєм и забыла о своем решении никогда больше не разговаривать с ним. Он обещал поднять кампанию в прессе по этому делу и добился того, что волна возмущения всколыхнула самые различные слои населения. Тома Риджа пришлось освободить, ему вернули ферму. Дела о выселении других поселенцев были прекращены.

В ту весну мисс Ирвин потеряла много времени, а надо было обработать сад. Макнелли и другие соседи помогли вспахать землю, подрезать деревья в «Нанье», пока Одри в городе вела переговоры с членами парламента и журналистами.

Лето пришло рано, неся с собой теплые ясные дни. Вместе с ними вскоре после освобождения Тома Риджа в «Нанью» приехал муж мисс Ирвин, как называли Рея за глаза. Он вернулся домой — это было совершенно очевидно. Ходил по ферме, помогал везде, где требовалась его помощь. Сплетники начали

объяснять друг другу, что-де слухи о ссоре мисс Ирвин с мужем и предстоящем разводе оказались ложными. Рей помогал собирать и упаковывать ранние абрикосы. Каждое утро он ездил на грузовике с фруктами на рынок, заходил в какую-нибудь редакцию, оставляя там стихотворение или очерк, и возвращался к обеду домой.

Хороший выдался сезон. Цены на абрикосы высокие, первый урожай почти собран. Одри, поставив на землю ведро с фруктами, остановилась вечером на минутку поболтать с Макнелли.

— Ну, видно, мне ниспослано благословение, мистер Макнелли! — воскликнула Одри, окидывая взглядом густую листву деревьев. — Урожай и без того хорош, но вот даже то упрямое дерево дало плоды!

— Да, да! — Глаза старика блеснули. — Я заметил, его соки ожили.

— Может быть, пожар как-то помог?

— Может быть, и так, — согласился старик. — Но я на пробу привил ему ранний Ньюкаслский сорт. Вы были так заняты борьбой против выселений, что не заметили. Да и Риджи тогда еще жили у вас. И хлопот у вас было по горло с болезнью миссис Ридж, с ее ребятишками и всякими прочими делами!

Одри улыбнулась в ответ на его пронизательный, лукавый взгляд.

— Знаете, мистер Макнелли, это дерево всегда напоминало мне себя самое.

— Странен мир... — задумчиво произнес старик. — И самое странное в нем то, что никто из нас не может жить в одиночку: ни мужчина, ни женщина, ни дерево.

— Пожар и выселения показали мне это, — как всегда, напрямик сказала Одри.

Рей обнял ее.

— Я загоню твоих коз, Одри, — нараспев произнес он. — И утром принесу поэму и цветы к тому дереву — в знак благодарности.

Перевела с английского
С. КРУГЕРСКАЯ.

На празднике урожая 1959 года.

Михаил ДОМОГАЦКИХ

Фото автора.

УТРО ТИБЕТА

Путешествие на Крышу мира

О том, что мне надо лететь в Тибет, я узнал, выйдя на Пекинском аэродроме из самолета «ТУ-104». Еще вчера я ходил по московским улицам. А через день я буду в Лхасе...

Но задумываться не было времени. Главное — собрать справки от врачей, что сердце, давление, легкие, общее состояние здоровья позволяют совершить это трудное путешествие. Врачи, как обычно, устраивают нам строжайший экзамен. В Пекинском госпитале специально поставлены деревянные лесенки — «маленькие Гималаи». Двадцать четыре раза нужно подняться и спуститься по их ступенькам, а потом новая тщательная медицинская проверка. Врачи иногда покачивают головами по поводу того или другого «кандидата», но и мне и моим будущим спутникам справки выдают.

Мы волнуемся. Тибет! Сколько знаменитых путешественников вынуждены были в прошлом возвращаться назад, уже достигнув его границ!..

Среди бесчисленных книжных полок пекинского пассажи «Восточное спокойствие» нахожу несколько книг о Тибете на английском языке, написанных купцами, альпинистами, авантюристами. Все они безнадежно устарели. В Пекинской библиотеке мне дают стопку современных книг и брошюр. Библиотекарь, видя мою растерянность перед этим изобилием страниц, дает дружеский совет:

— Выпишите названия, а после, когда посмотрите Тибет собственными глазами, прочитаете то, что сочтете нужным.

И вот мы в Синине — центре провинции Цинхай. Провинция лежит рядом с Тибетом. Две тысячи километров отделяют нас от Лхасы. Корреспондент «Юманите» Жан Видаль шутит:

— Пролетим над двумя Франциями и будем на месте!

Самолет пробивает пелену тумана и облаков. Из-за черных вершин показывается солнце, освещающая снеговые шапки гор, лесовые каньоны, озера, поблескивающие, как осколки разбитого зеркала.

Стрелка альтиметра равномерно отсчитывает сотни метров. Все труднее дышать, сердце бьется так, словно хочет выскочить из груди. Боль в висках, слабое головокружение. Пора надевать кислородную маску.

Где-то недалеко хребет Пржевальского, смелого и неутомимого исследователя Азии, чьим именем гордится наша отечественная наука. На большой высоте перелезаем через хребты Кузнь-Луна и вновь летим над бескрайним нагорьем. Нигде нет и признака человеческого жилья. Огромный, необжитый край с неописуемо богатым будущим! По данным геологов, земные недра хранят здесь сказочные богатства.

Мы, корреспонденты одиннадцати стран, чувствуем себя немного Колумбами. Мы первыми из журналистов летим в Лхасу по воздуху. Невольно вспоминается фильм, который нам показали накануне вылета из Синина. Этот фильм рассказывает, как пытались до освобождения Китая проложить воздушную трассу в Тибет американские летчики. Но американские самолеты того времени

не могли подниматься на такую высоту и разбивались один за другим. Много труда и подлинного героизма потребовалось от китайских летчиков. Но в их руках были другие машины, и они победили. Воздушная трасса, считавшаяся в зарубежной печати «мертвой», теперь прочно обжита. Она соединила Лхасу со всеми районами великой страны, сделала ближе путь из Пекина до древней китайской территории — Тибета.

И вот он под нами.

О Тибете существует представление как о суровом крае, каменистой, бесплодной земле. Но мы видим изумрудную зелень альпийских лугов, яркость которых еще больше оттеняют снежные вершины гор. Быстрые реки пересекают Тибетское нагорье, над которым всегда гуляют белоснежные облака и сверкает голубое небо.

Самолет идет на посадку. Стада яков, пасущихся в долине, уже привыкли к шуму моторов, они спокойно продолжают щипать сочную зеленую траву. В просторном одноэтажном здании аэропорта начинаем привыкать дышать уже без кислородных приборов. Каждое движение, каждый шаг даются с трудом. Но тибетские и китайские друзья нас успокаивают: в Лхасе будет легче, она на шестьсот метров ниже аэродрома.

Путь от аэродрома к Лхасе пролегает по одному из самых густонаселенных районов Тибета. Куда ни кинь взгляд, везде трудятся люди. И с первой минуты встают перед тобой черты нового в жизни тибетского народа. Вот у шоссе раскинулись белые палатки с нашитыми синими тибетскими орнаментами. Здесь собралось сотни полторы людей. Красные полотнища с лозунгами. На высоком шесте развевается пятизвездное знамя Китайской Народной Республики, с которым каждый трудящийся тибетец связывает свое счастье. Вчерашние крепостные съехались посоветоваться о том, как управлять землей, — она досталась им после бегства крепостников и дворян, главной опоры антинародного мятежа, вспыхнувшего весной и разгромленного Народно-освободительной армией Китая совместно с трудовым народом Тибета.

До марта нынешнего года в Тибете господствовал самый отста-

Китайский врач оказывает помощь тибетцу.

лый и жестокий крепостнический режим. Миллион крепостных и рабов были в безраздельной власти небольшой кучки дворян, местного тибетского правительства, двух с лишним тысяч монастырей. Десятую часть населения составляли монахи — ламы. В самих монастырях царил не менее жестокий гнет: ламы из бедноты были фактически рабами верхушки монастырей. Религия в Тибете уже давно превратилась в орудие наживы самых реакционных защитников средневековья...

Еще одна группа тибетцев: они ремонтируют дорогу. И опять красные флаги осеняют их труд. В этом году в Тибете произошло небывалое наводнение. Бурные потоки разрушили кое-где доро-

ги, и нашим машинам не раз приходилось пробираться чуть ли не вплавь.

Пока шофер открывает капот, нас окружает большая толпа тибетцев. Они протягивают нам руки, высовывают язык — традиционное приветствие. На лицах улыбки, спокойная приветливость. Впервые эти люди чувствуют себя свободными, и они не могут не поделиться этим с друзьями, прибывшими из далеких стран.

Ко мне подходит лама с обнаженным правым плечом, в халате, рукава которого завязаны узлом на поясе. Он что-то быстро говорит по-тибетски.

— Он спрашивает, из какой вы страны, — говорит переводчик.

— Из Советского Союза.

Лама мгновение вглядывается, потом, протянув руки ладонями вверх и высунув язык, склоняется в низком поклоне. Вытянутые ладони означают, что человек безоружен, а высунутый язык свидетельствует, что он не припас яда. По поверью, язык отравителя черный.

— Я ушел из монастыря, где жил с детства, — говорит лама. — Буду трудиться, зарабатывать цзамбу¹. Пятнадцать лет я голодал в монастыре. Теперь живу, как человек.

В Лхасе

В Лхасу мы въезжали, когда солнце уже медленно опускалось

¹ Пища тибетцев, приготовляемая из жареной ячменной муки.

за горы. Но вершины гор еще светились в лучах заката, и ослепительно сверкала золотая крыша дворца Потала, изумительного памятника архитектуры, созданного много веков назад.

Мы объезжаем кругом Поталы. Сюда, как и раньше, тянутся паломники. Они вращают священные колеса, без конца повторяя молитву в честь Будды: «Ом мани падме хум!» — «Да будет благословен рожденный в лотосе!» Паломники падают ниц, протягивая вперед ладони с прикрепленными к ним деревянными пластинками, чтобы не содрать до костей кожу, делают отметку на земле, потом, сделав несколько шагов до этой отметки, снова растягиваются на камнях в молитвенном экстазе.

Сколько нелепых и злобных вымыслов распространяла буржуазная пропаганда о том, будто в Тибете китайские коммунисты разрушают монастыри, запрещают верующим совершать обряды, «ликвидируют Тибет как столицу буддизма»! Китайские коммунисты, уважая верования буддистов, в то же время зовут их на новый путь счастья и свободы. Миллион крепостных и рабов уже увидели лучшее будущее и тянутся к свободе, как тянется к солнцу каждая травинка, растущая на земле.

Лхаса поражает своей красотой. Глубокое впечатление оставляет дворец Потала. В плане это нечто вроде трапеции с геометрически правильными, но асимметрично

«Теперь мы сами решаем свои дела», — говорит эта женщина.

После ликвидации антинародного мятежа. Вчерашние крепостные об- суждают, как управлять землями беглых мятежников.

Электромонтеры восстанавливают линию, разрушенную мятежниками.

расположенными сооружениями. Но когда присмотришься повнимательнее к очертаниям гор, окружающих дворец, убеждаешься, как чутко понимали красоту архитектурных пропорций люди, строившие это величественное здание. Налево от Поталы виднеется золотая крыша храма Джоканг, построенного тысячу триста лет назад. Справа — огромный зеленый массив Норбулинка — Драгоценного сада, летней резиденции далай-ламы.

Высокие каменные стены старинных дворцов и монастырей Тибета покрыты тонкой резьбой, искусно выполненной росписью. Колонны с резным орнаментом, массивные капители, множество галерей — все это заимствовано из архитектуры дворцов и хра-

не и чиновники. Много купцов из Индии и Непала. Они предлагают вам все — от лезвий «Жиллет» до последних моделей фотоаппаратов из Западной Германии и Японии.

Расхаживают по улицам ламы в темно-красных одеждах, торговцы от монастырей, за несколько монет продающие длинные листы бумаги со священными текстами.

И все-таки древний город неузнаваемо изменился. Потому что изменились люди, населяющие его. Ушли в прошлое страх и подавленность, терзавшие тибетцев всю жизнь.

Бывшее местное тибетское правительство (кашаг), состоявшее из крупнейших крепостников, не допускало создания никаких народных организаций. Все дела верши-

каменные «шапки» весом до 20 килограммов. Такую «шапку» надевали на голову, ударяли по ней железным молотом, и у человека вылезали глаза из орбит. Здесь выставлены человеческие черепа, выложенные внутри серебром, украшенные драгоценными камнями. Эти страшные «безделушки» украшали дома в богатых семьях и служили чашами для религиозных церемоний. В монастырях, участвовавших в мятеже, были найдены ритуальные барабаны из человеческой кожи.

Лама, сопровождавший нас по выставке, сказал:

— Не уничтожить такое изуверство означало бы оскорбить все человечество.

Сотни людей проходят мимо экспонатов выставки. Мы видели женщину, упавшую без сознания перед клеткой-дыбой. В такой клетке были замучены муж и сын этой бывшей рабыни.

Сколько ненависти в глазах этих людей, испытавших невообразимые муки от тирании крепостников! Может ли хоть один из них желать возврата к кошмарному прошлому?

Тибетцы объединяются, чтобы бороться за новую жизнь. В Лхасе, как и во всем Тибете, созданы сейчас комитеты «сань фань» — «борьбы против трех» — против мятежа, эксплуатации, рабства. В Лхасе рождаются и первые общественные организации, зачатки будущей народной власти — уличные комитеты.

Мы едем в один из таких комитетов в южную часть Лхасы. Комитет занял поместье бежавшего мятежника Хаудары. Из окна виден Джоканг и тюрьма бывшего тибетского правительства — высокое мрачное здание, к которому тибетцы боялись даже подходить близко. В комнате, где мы беседуем, сидя на низких коврах, развешены религиозные картины. Домашний алтарь из резного позолоченного дерева заполнен изображениями Будды и его последователей, в шкафах хранятся буддийские тексты. Хаудара считал себя глубоко верующим человеком; но это не мешало ему гноить в домашней тюрьме своих крепостных, хотя буддизм и запрещает убийство не только человека, но даже любой ползающей твари.

Кто они, сидящие перед нами члены уличного комитета? Бывшие рабы, крепостные — собственность монастырей. Прошло всего несколько месяцев после разгрома мятежа. Но эти люди уже свободно и широко мыслят, они смело смотрят в завтрашний день.

Мы слушаем заместителя председателя уличного комитета Анэ, бывшего крепостную Хаудары.

— Сейчас советуемся о том, как поднять сознательность трудящихся, — говорит она, и трогательно звучат в ее устах слова, о которых она и не слышала полгода назад. — Мы наблюдаем за общественным порядком. Разоблачаем скрытых злых мятежников. Помогаем бедным. Компартия дает нам для этого средства. Кроме того, мы заботимся о ремесленниках, создаем из них артели. Все они раньше были крепостными, а теперь будут работать для народа.

В комитет вошел председатель его, бывший лама Чотен. Рассказывая о своей жизни, он обна-

жил спину в глубоких багровых рубцах от трехсот палочных ударов, после которых только чудом остался в живых.

— У нашего комитета много забот, — дополняет он рассказ Анэ. — В нашем квартале живет 550 семейств. Грамотных не было ни одного, если не считать лам и крепостников. А теперь многие хотят учиться. Мы уже открыли школу для взрослых, и за три месяца люди научились читать и немного писать.

Чотен помолчал, потом продолжал с суровой искренностью:

— Наш район очень бедный. Люди питаются пока один раз в день. Только немногие — два раза. Мы решили помочь им. На окраине города мы подняли несколько кз (одно кз — примерно половина гектара. — М. Д.) земли и разбили огород. Самым бедным семьям выдаем овощи, которых они никогда раньше и не пробовали.

...Теплый вечер опускается над Лхасой. Яркое сияет над высокогорьем луна. Издалека доносятся звуки барабана. Это приближаются колонны демонстрантов. Демонстраций и митингов в Лхасе проходит сейчас так много, что для них не хватает дня. Вот и сейчас идут люди, выкрикивая лозунги: «Долой крепостников-мятежников! Конец рабству! Да здравствует Коммунистическая партия Китая!»

Потом возникает песня. На широких крыльях летит она над древней Лхасой:

Над нами висела тяжелая гора,
Теперь мы ее снесли.
Над нами сейчас молодая луна,
И строим мы новую жизнь.

Новая жизнь победно шагает по тибетской земле.

Окончание следует.

Музей художника

Картины Исаака Израилевича Бродского украшают крупнейшие галереи страны. У него нет открыток и репродукций произведений Бродского, изданных миллионными тиражами!

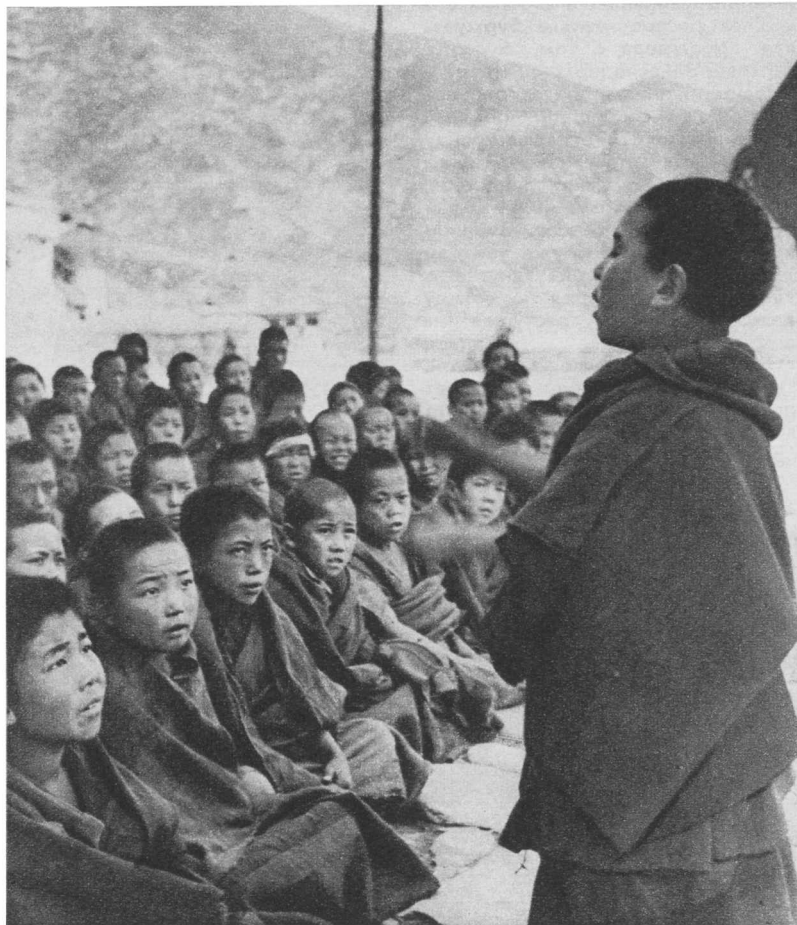
В истории советского искусства Бродский по праву занимает выдающееся место. Поэтому в Ленинграде, в квартире, где жил художник, организован Филиал научно-исследовательского музея Академии художеств СССР. Здесь не только работы этого мастера, но и много картин других художников, собранных Бродским.

В последние годы коллекция насчитывала более тысячи полотен. Собираательство имело, по словам Бродского, «не только личный, но и общественный характер». «Я стал думать о том, чтобы свою коллекцию сделать достоянием масс», — писал художник.

В 1930 году Бродский передал в музей Бердянска, основанный по его инициативе, 250 картин. Столько же он подарил Днепропетровскому музею. Значителен дар Бродского и другим галереям.

Сейчас в Музее-квартире Бродского 550 картин. Репину принадлежат 48 работ, в том числе такие, как «Девочка с букетом». Здесь произведения Крамского, Куинджи, Коровина, Врубеля, много великолепных зарисовок и набросков Серова, Малаявина, Кустодиева, Мановского.

Более 50 произведений самого Бродского показывают творческий путь этого замечательного мастера.

Семилетний лама с увлечением диктует хором маленьким ламам, поющих новые песни.

мов Центрального Китая. Тибетские мастера — ваятели и художники — создали изумительные горельефы и скульптуры из дерева, камня, меди, серебра и золота. Стоящее в Потале изваяние китайской принцессы Вэнь Чэн, жены объединителя Тибета царя Сронцангамбо, стенная роспись в Норбулинке, скульптурные изображения Будды в Джоканге — поистине выдающиеся творения своего времени. Все это было собственностью дворян-крепостников, рабовладельцев и монастырей. Народ же веками оставался нищим и бесправным.

Улицы Лхасы... Низенькие домики, бесчисленные лавочки бедных торговцев. Кузнецы продают стремена к седлам, удила, всякую домашнюю утварь; ремесленники — посуду, курильницы, чеканные блюда с рисунками, чашки, в которых замешивается цзамба. В некоторых лавочках торгуют шапками, богато расшитыми золотом, дорогими сортами тканей, — все это покупали дворя-

ли чиновники, перед которыми человек был бесправен и беспомощен. Они накладывали любые налоги, определяли любые наказания. В городском управлении Лхасы — ланцысы — существовал порядок: каждый простой тибетец, переступивший порог управления, немедленно передавался в руки палачей. Человеку давали четырнадцать палок, а затем уже выслушивали, зачем он пришел. А если тибетца приводили в ланцысы по какому-нибудь обвинению, он почти никогда не возвращался назад, была ли на нем вина или нет. В тюрьме, расположенной в подземелье управления, творились дела, перед которыми бледнеют ужасы средневековой инквизиции. Сейчас в одном из самых крупных монастырей Лхасы, Джоканге, устроена выставка орудий пытки и прочих вещественных доказательств преступлений бывшего местного тибетского правительства. Здесь можно увидеть тяжелые железные кандалы, в которые заковывались беглые или же «строптивые» крестьяне; деревянные балки с отверстиями, в которых дробились кости ног;

И. Е. Репин (1844—1930). ДЕВОЧКА С БУКЕТОМ (ПОРТРЕТ ДОЧЕРИ ВЕРЫ). 1878.

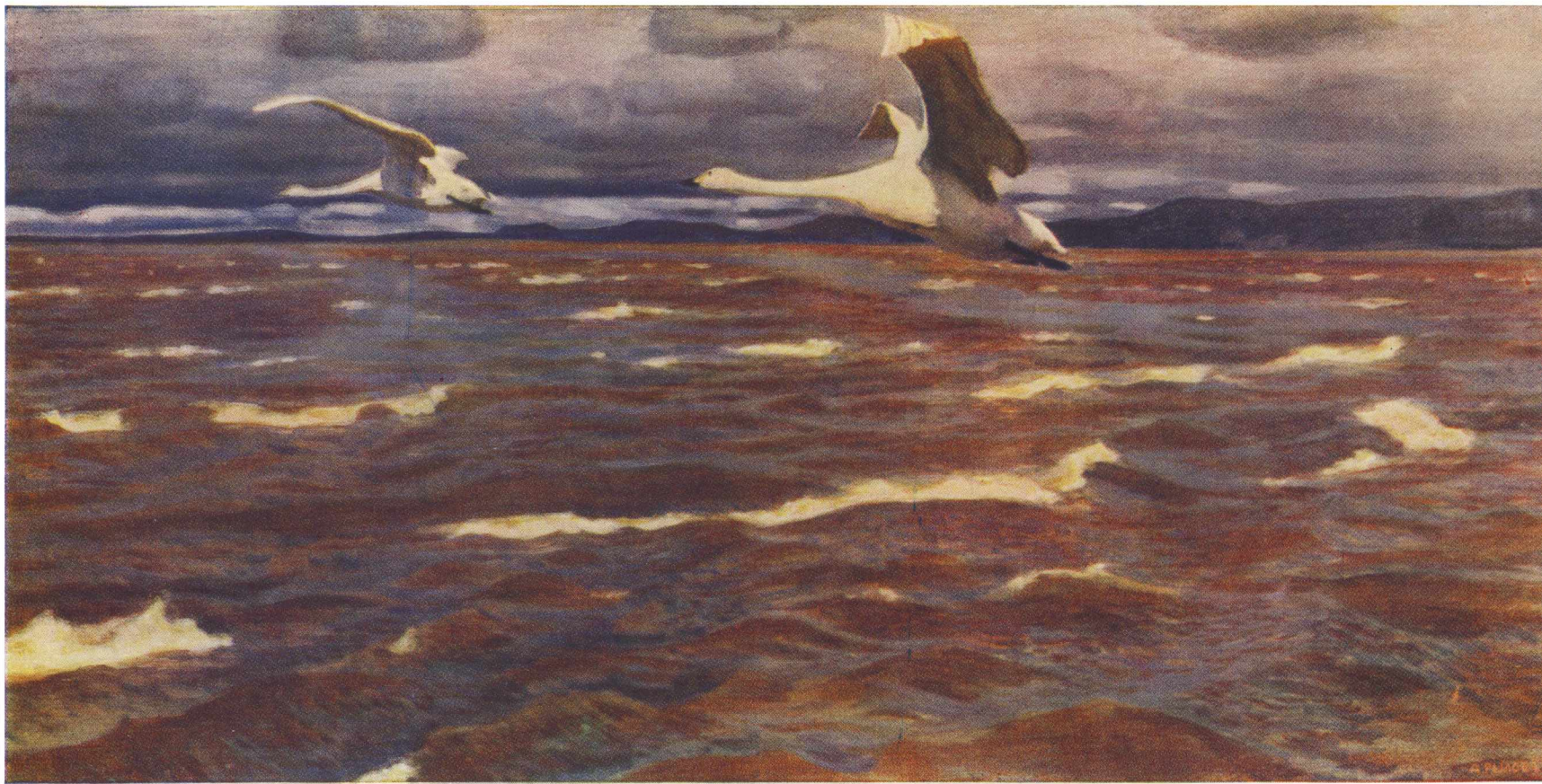
МУЗЕЙ-КВАРТИРА И. И. БРОДСКОГО.

И. И. Бродский [1884—1939]. ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ. 1915.

А. А. Рылов (1870—1939). ЛЕБЕДИ. 1920.

С. Ю. Жуковский (1873—1944). ОЗЕРО.

Н. И. Фешин [род. 1881]. ЖЕНСКИЙ ПОРТРЕТ. 1916.

Ф. А. Малявин [1869—1939]. ЖЕНЩИНА В ШУБЕ. ДВЕ БАБЫ. МУЖСКОЙ ПОРТРЕТ. Цветной карандаш.

СИЛЬНЫЕ СЕРДЦА

Н. МАР

Мария Михайловна Сахьянова.

Лариса Сахьянова... О ней в Бурятии я слышал уже много раз. Вечером мне предстояло посмотреть спектакль с участием этой балерины, а днем я позвонил Ларисе Петровне и через час был у нее.

— В прежнее время у нас, бурят, разумеется, никто и не слышал о балете, — начала рассказ Сахьянова. — Ну, а теперь театр, и драматический и музыкальный, стал так же необходим нашему народу, как хорошее жилье, школа, кино... А о себе мне как будто и говорить нечего. Одно лишь замечу, что, когда я начала заниматься балетом, даже моя мать была решительно против...

— Виновата, каюсь! Можно сказать, бес попутал, — шутливо замечает, вступая в разговор, Мария Михайловна. — Действительно, я и слышать не хотела о балете. Когда Лариса была еще совсем маленькой, она вместе с подружкой посещала хореографическую школу. Ну, думаю, пусть ходит. Вырастет, приобретет профессию, а танцы — это для отдыха и красоты... Но спустя несколько лет Лариса сказала мне, что хочет стать балериной. Пробовала я говорить о ее слабом сердце... Да кто в молодости на это обращает внимание? Итак, она пошла учиться, решив стать первой балериной в нашем совсем неартистическом роду.

Мария Михайловна тоже крайне скупно говорит о себе. Отец был очень беден. С великим трудом удалось окончить двухклассное училище, хотя занималась, кажется, неплохо. Потом поступила в учительскую школу. Затем бурятский этнограф М. Н. Хангалов и учительница Е. П. Хазагаева, собрав деньги, послали юную

возвращения Владимира Ильича на родину — Мария Михайловна тоже была на Финляндском вокзале. Служала его и в особняке Кшесинской; человек восемьдесят — сто расположилось вокруг длинного стола, а Ленин говорил о новых задачах партии.

— Разошлись на рассвете. Утро было серое, но нам оно казалось прекрасным... Позже я еще несколько раз слушала Ленина. Была даже совсем рядом с ним. Но заговорить все же не решилась. А между тем очень хотелось рассказать Ленину о Бурятии, о нашем улусе и старой жизни...

В конце декабря 1917 года, работая в Иркутском комитете партии, Сахьянова участвовала в подавлении контрреволюционного мятежа. Здесь же, в Иркутске, она организовала бурятскую группу большевиков, которая, собственно, и положила начало бурятской большевистской организации.

Мария Михайловна бывала и на линии фронта и в подполье. Старые владивостокские коммунисты, вероятно, помнят, что секретарем Дальневосточного комитета партии была женщина с партийной кличкой «Посейдон»...

Так сложилась жизнь этой удивительной женщины с седой головой, первой бурятки, пришедшей в партию Ленина.

Я слушаю Марию Михайловну с увлечением. И передо мною встает большая и славная жизнь: безвестный улус... Петроград... Выборгская тюрьма... первый секретарь обкома партии, которому не на чем даже съездить за Селенгу — одна лошадь на весь обком, и та некормленная. Затем Москва... депутат Верховного Совета... два ордена Ленина...

Я слушал Сахьянову-старшую и ловил себя на мысли: вот передо мной, подлинно современная женщина, а дочку все-таки не пускала я театр!

— Да-да, не пускала! Теперь-то, конечно, хорошо признавать бывшие ошибки.

...До начала спектакля «Красавица Ангара» в оперном театре еще оставалось время. За кулисами мы продолжали начатый разговор с прима-балериной.

Как началась «балетная биография» Ларисы Петровны? Вероятно, так же, как у всех. С восьми до тринадцати лет училась в балетной школе. Потом война, эвакуация, возвращение в Москву. В сорок пятом году стала заниматься в группе усовершенствования... В сорок шестом приехала в Улан-Удэ, поступила в кордебалет. Целый год ничего не танце-

Танцует Лариса Сахьянова.

вала. Наконец дебют — славянский танец в «Русалке». Лариса долго разучивала его, волновалась. Как станцевала? Средне!

Потом она выступала и в других спектаклях. Наконец ей предложили подумать о «Лебедином озере»... В театр пришел новый балетмейстер — Ксения Андреевна Есаулова, талантливый мастер, серьезный педагог. («У каждого бурята — артиста, художника, поэта или музыканта — есть свой русский учитель. Он был, конечно, и у меня».) Есаулова неторопливо приглядывалась к малоразговорчивой девушке, старавшейся на репетициях устроиться в незаметном уголке... Она отмечала ее пластичность и музыкальность, отмечала и то, что Сахьяновой, конечно, еще не хватало техники. Но если всерьез работать, если не глядеть на часы...

— Я хочу, чтобы вы, Лариса, не торопясь, занялись Одеттой, — сказала однажды Есаулова. — Сначала почитайте как следует о самом Чайковском, вслушайтесь в музыку, пробуйте переложить ее на язык танца... Когда вы почувствуете образ, мы поговорим подробнее.

И юная балерина, не смеявшая даже мечтать о заветной партии, начала работать.

Кажется, она тогда не ела, не пила, не спала, перевернула все здешние библиотеки, раздобыла какие только можно достать в Улан-Удэ книги, монографии, исследования, мемуары и запоем читала...

Когда педагог и ученица встретились снова, Лариса показала несколько танцевальных кусков. После этого начались репетиции...

20 мая 1948 года состоялась премьера. Сахьянова была «вся в музыке» и, кажется, неплохо справилась с ролью, хотя некоторые знатоки и говорили, что ее танец еще «холоден». Опять тренинг, опять репетиции... Каждое утро в один и тот же час низкая перекладина у стены и ритмичные движения рукой, ногой... Взмах левой, взмах правой: раз, два, три; раз, два, три! Осень сменяет лето, зима — осень, весна — зиму. Но каждый день ровно в десять утра — зал, стена, перекладина: раз, два, три! В свободное время — книги. Классика и современность, Шекспир и Хемингуэй, Пушкин и Шолохов, Толстой и Федин... Романы и стихи, повести и новеллы. Книжки теснили прогулки, отнимали свободные часы и минуты.

...Сolist балета Цыден Еши Бадмаев, которого друзья и товарищи в быту зовут просто Саша, в балете один из «ветеранов». Артистом Саша стал неожиданно. Он вырос в многодетной семье. Отец умер очень рано, и воспитанием мальчика занималась тетя. Она увезла его из Бурятии в Москву, отсюда — в Актюбинск, а затем — в Улан-Удэ. Цыден Еши прекрасно учился, окончил десятилетку на «пять» и, конечно, мог выбрать любой институт. Но летом 1939 года, к великому удивлению родных и знакомых, юноша неожиданно поступил в балетную труппу театра.

Принято считать, и, видимо, это правильно, что технике танца надо обучаться с малых лет. Саше пришлось наверстывать. Даже бывалые педагоги поражались его упорству.

Так, в трудах, была подготовлена первая партия — Вацлав в

«Бахчисарайском фонтане». Потом — простодушный Колен в балете Гертеля «Тщетная предосторожность», затем Конрад из «Корсара» Адана, милый поэт из «Штраусианы», мужественный Фрондосо из «Лауренсии», Зигфрид из «Лебединого озера» и Феб де Шатопер из «Эсмеральды»... Конечно, перечислить в одном абзаце семь ролей балетного репертуара куда легче, чем под-

готовить хотя бы одну из них. Классические балеты чередовались с национальными, бурятскими.

Еще лет сорок назад, наверное, никто и не предположил бы, что сын и дочь кочевых бурят не только разберутся в музыке крупнейших балетных композиторов мира, но и создадут пленительные образы своей, бурятской национальной хореографии. А те-

перь все считают это в порядке вещей, и никто не удивляется!

Лариса и Цыден Еши встретились в театре. А потом пришел день, когда они отпраздновали свадьбу, и юные супруги уехали на Всемирный фестиваль молодежи в Берлин. Потом — новые роли, новые национальные балеты. Первым из них был «Свет над долиной».

— К сожалению, это была сла-

Вторая встреча

С. ФРИДЛЯНД

Через несколько дней в театрах, концертных залах и клубах столицы москвичи встретятся с искусством Бурятии. Первое знакомство состоялось

девятнадцать лет тому назад. Какие же перемены произошли за этот срок и что нового в национальном искусстве автономной республики? С этим вопросом наш корреспондент обратился к участнику первой бурятской декады искусства и литературы, ныне народному артисту СССР и главному режиссеру Государственного ордена Ленина театра оперы и балета Бурятской АССР Г. Цыдынжапову.

— Перемены огромны! Начнем с того, что в те годы не только красивого театрального здания, где мы с вами находимся, но и самого театра оперы и балета не было.

Наше искусство только формировалось. В республике не было еще профессионально обученных певцов, актеров и музыкантов. Единственный тогда национальный музыкально-драматический театр показывал в Москве лишь три спектакля, в их числе была первая бурятская опера, «Энхе-Булат Батор».

Поистине неоценима братская помощь, полученная бурятами от русского народа, русской культуры, русского искусства! Перед нашей одаренной молодежью широко открыты двери лучших музыкальных и театральных школ страны.

На декаде бурятское искусство и литературу представят пять театрально-концертных коллективов. И покажут они москвичам не три спектакля, как было девятнадцать лет назад, а двенадцать оперных, драматических и балетных постановок.

В концертах выступит популярный в Бурятии народный певец и музыкант Цырен Хоборков.

бая работа, — огорченно вспоминает Лариса Петровна. — Музыка не вызрела, либретто мне показалось примитивным... Танцевать, конечно, хотелось, но, признаться, нечего было. Зритель отдал должное нашим стремлениям, но на спектакли не пошел... Я исполняла роль героини — Алтан. Знаю, что она была бригадиром, но чем именно занималась, — это неведомо, по-моему, и авторам. Помню

только, что по ходу действия мы что-то носили, кажется, кирпичи...

...Через три года талантливый бурятский певец Л. Линховоин и М. Заславский написали либретто нового национального балета-легенды — «Во имя любви», поэтического сказа о любви, верности и чести... Роль юной Сэсэг исполняла Сахьянова, молодого охотника Зорягто — ее муж Цыден Еши

Бадмаев. А совсем недавно известный бурятский писатель Намжил Балдано в содружестве с композиторами Л. Книппером и Б. Ямпилковым создали новый бурятский балет — «Красавица Ангара».

С волнением встретила роль Ангара Лариса Петровна.

— Я ведь знаю ее нрав с самого детства. Это властная, могучая река. А в балете Ангара поначалу

была выписана слишком мягкими, слишком приглушенными красками. Впрочем, об этом давайте побеседуем после спектакля.

...Как говорится в этих случаях, партер сиял. Сияли и все ярусы праздничного, переполненного зала театра.

В Улан-Удэ балет так же, как и всюду, любят все. Студенты и почтенные инженеры, маститые ученые и веселые молодые ра-

Молодые танцоры Л. Сахьянова и П. Абашеев в ролях Ангара и Енисея в новом балете-поэме «Красавица Ангара».

Бурятский ансамбль песни и танца подготовил обширную программу. Внимание зрителей привлечет точный рисунок «Индийского танца» в исполнении молодой танцовщицы С. Барцевой.

Будамшу — любимый герой бурятского фольклора. На снимке: сцена из сатирической комедии «Будамшу» Ц. Шагжина. Пяглай — Н. Гендунова, Будамшу — Ж. Иванов и Порни — Ч. Генинов. Все они участники первой декады бурятского искусства.

О многовековой дружбе русского и бурятского народов расскажет оперный спектакль «Побратимы» Д. Аюшеева.

ботницы — одним словом, все. В партере я встретил Марию Михайловну и ее давнишнюю подругу Федосью Матвеевну Осодоеву, тоже старую коммунистку. Они, не торопясь, заняли места во втором ряду, погрузившись в чтение программы, знакомившей зрителей с тем, как у морского царя Байкала выросла красавица-дочь Ангара, полюбившая витязя Енисея...

Я не стану здесь пересказывать содержание этого романтического балета: он будет в Москве на декаде бурятского искусства. И зритель отметит, вероятно, блестящую работу художников А. Тимина и М. Шестаковой, «хореографический почерк» консультанта спектакля Игоря Моисеева, талантливую постановку М. Заславского, дарования Ф. Иванова, танцующего Байкала, П. Аба-

шеева, исполнителя роли Енисея, темперамент В. Дамбиева, создавшего образ Черного Вихря...

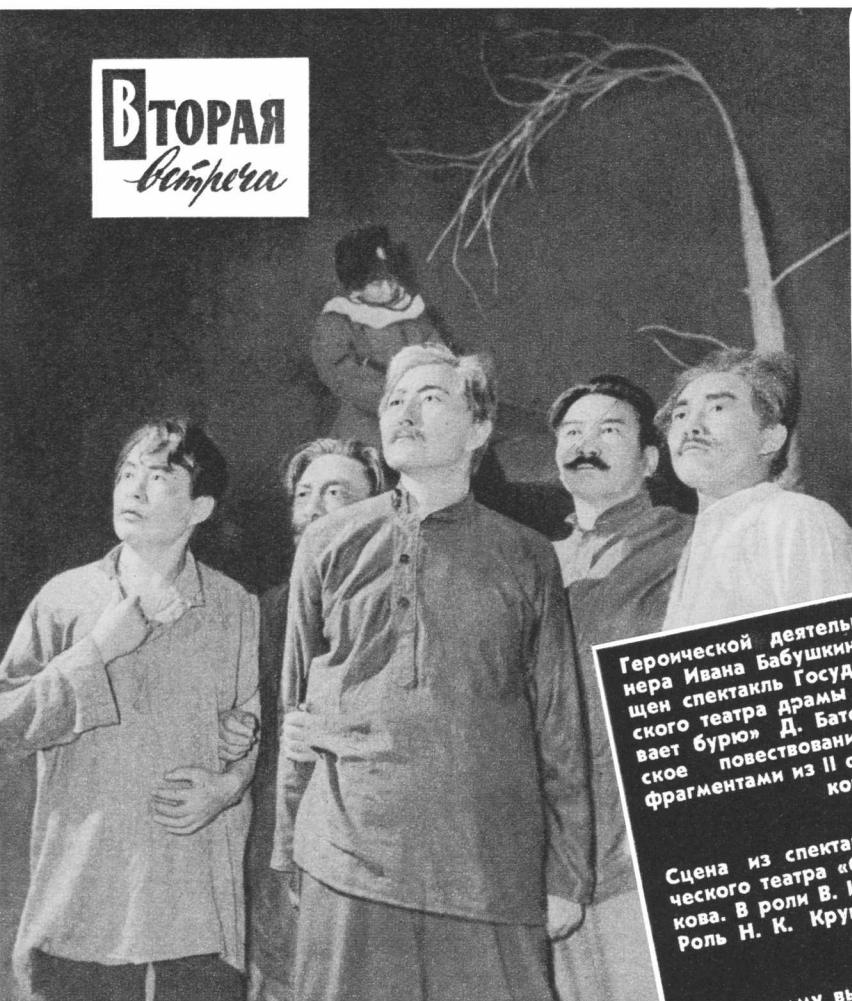
И все же, бесспорно, душой спектакля является Ангара — Сахьянова. Она пленяет зал мягкой пластикой, благородной техникой... Да, это балет Ларисы Сахьяновой, большой актрисы, одаренного художника.

...До поздней ночи дома у Лари-

сы Сахьяновой мы говорили о спектакле, о ее партии.

— Роль еще только зреет... В танце, видимо, как в колосе, происходит этот таинственный процесс вызревания. Я думаю, что через год моя Ангара станет совершенно взрослой... Балету нужно время, и сердце. Большое, сильное! Без него пластика мертва! Значит, сердце в нашей профессии главное...

Вторая встреча

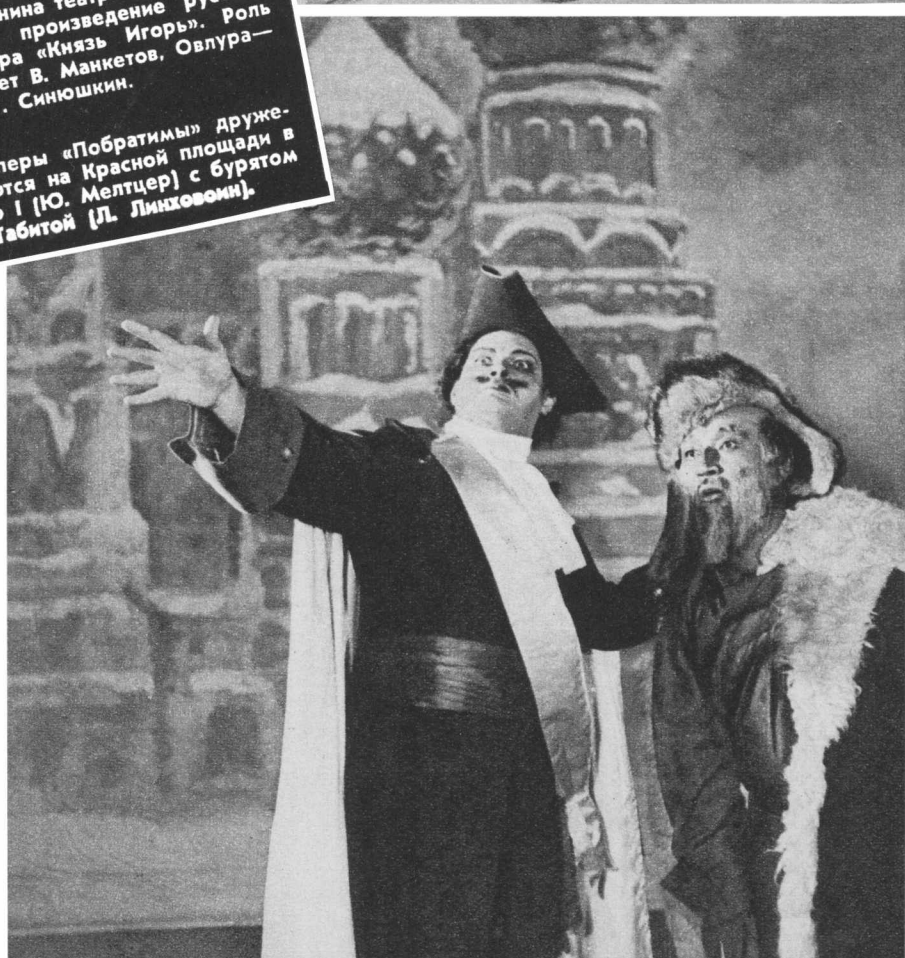
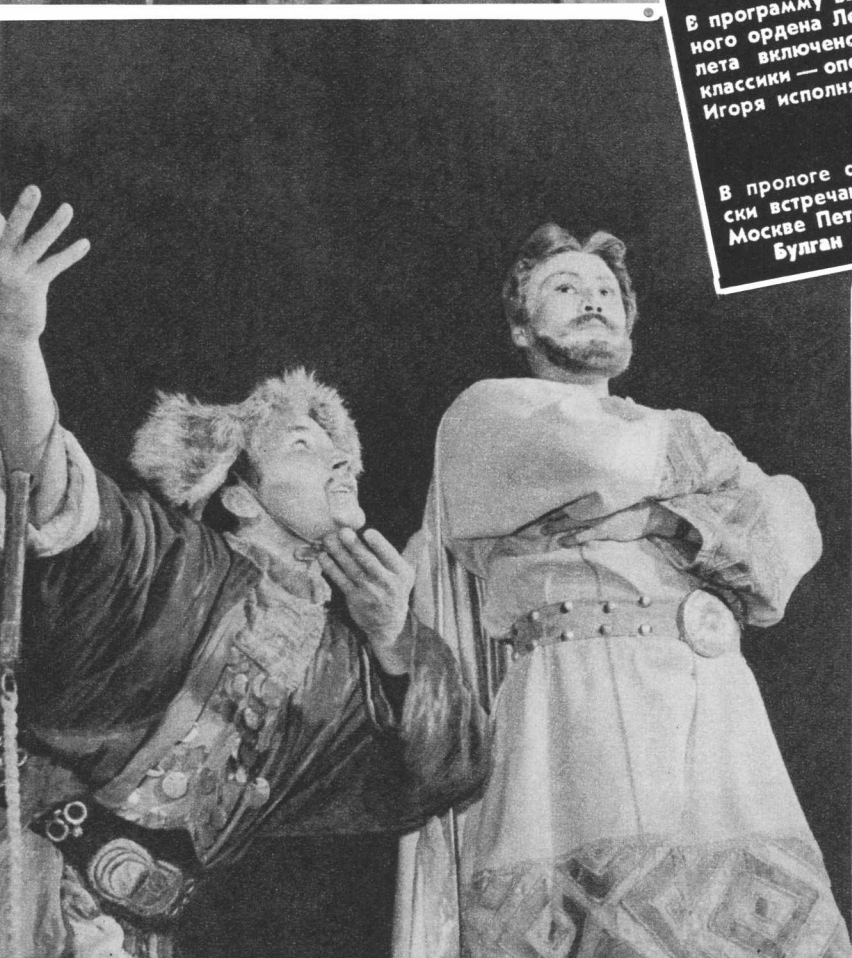

Героической деятельности революционера Ивана Бабушкина в Сибири посвящен спектакль Государственного бурятского театра драмы «Барометр показывает бурю» Д. Батожабая. Драматическое повествование сопровождается фрагментами из II симфонии Дм. Шостаковича.

Сцена из спектакля Русского драматического театра «Сквозь грозы» И. Кычакова. В роли В. И. Ленина — М. Глазков. Роль Н. К. Крупской исполняет К. Никулина.

В программу выступлений Государственного ордена Ленина театра оперы и балета включено произведение русской классики — опера «Князь Игорь». Роль Игоря исполняет В. Манкетов, Овлура — Г. Синюшкин.

В прологе оперы «Побратимы» дружелюбно встречаются на Красной площади в Москве Петр I (Ю. Мелтцер) с бурятком Булган Табитой (Л. Линкович).

Весна в Финляндии

Всеволод АЗАРОВ

Рисунок А. Голицына.

ДОЧЬ СУОМИ

В кино, в газетах,
В каждом доме —
Везде портреты
Мисс Суоми.

Красу венчает
Конкурс строгий —
Рост, тонкость талии
И ноги.

И, не дыша,
Иные тают...
А вот душа
У ней какая?!

Я нынче видел
В тихом доме
Совсем иную
Дочь Суоми.

Был детский сад
Пронизан светом,
Как будто не зимой,
А летом.

Звон тишины
Был нежно тонок,
Спал в зимней свежести
Ребенок.

Дышала девочка
Так сладко,
Белела в ярком солнце
Прядка.

Вдоль стен
Бумажные олени
Сон охраняли
В отдаленье.

Пусть даст тебе
Страна в подарок
Не премию
В сто тысяч марок,

А глубину озер,
В которых
И чистота
И нежность взора.

Пускай тебе
Приснятся люди,
Чью доброту
Зима не студит.

Пойми же:
Мир друзей огромен...
Такой я вижу
Дочь Суоми!

ПИОНЕРЫ

Навестили нас
С вожатой Лаксо
Пять душевных маленьких
друзей.
Говорим с волнением и лаской
С ними, словно с юностью своей.

И звучит сквозь испытаний годы
Отголосок наших давних слов:
«Ты готов бороться для народа?»
Боевой ответ:
«Всегда готов!»

Вот они идут тропой метельной,
Той тропой, что вела отца.
Им барак построен самодельный
Вместо пионерского дворца.

Дочка!
Я хочу, чтоб ты узнала,
Как совсем недалеке от нас
Девочка снимает галстук алый:
В нем запрещено
Являться в класс.

Но глаза глядят неустрашимо,
Слово пионерское храня,
И горит на курточке незримо
Отблеск негасимого огня.

Как и ты — сорок шестого года, —
Сирка — Лиза. Возраст здесь не
мал.

«Жаворонок» — «Киуру» —
у входа
Пионерский продает журнал.

Броский текст
И яркие картинки...
Мигом разберут,
Платить-то как?!
Марок пятьдесят, цена резинки,
Для детей рабочих не пустяк.

Так она растет зеленой веткой,
Соков набираясь от корней.
Учится отлично, но отметки
Воспитатель понижает ей.

Ты запомни:
Их отряд двадцатый.
Недалек от Турку Ленинград,
Финским замечательным ребятам
Пусть
Письмо напишет ваш отряд.

Ленинградский штемпель на
конверте —
Им подарок самый дорогой.
Сирка — Лиза в том отряде,
Перлти —
Виртуоз гармоник губной.

До сих пор его игру я слышу
На вокзале
В расставанья час.
Вот уже ушли платформы,
Крыши,
Только песня
Провожала нас.

И сейчас в сиянье солнца,
В сини
Вижу: тот денек
От снега сер.
Слышу,
Как мелодию России
Нам играет
Финский пионер!

РАДУГА

Повязанные на деревьях ленты
Здесь лыжникам указывают путь.
Для зорких глаз издали
заметны,

Они с дороги не дают
свернуть.

Не знаем, это знак или обычай,
Но радуга в пути сияет нам,
И, кажется, цветные ленты кличут
В дома к еще неведомым
друзьям!

Дорога

Владимир ФИРСОВ

НА ТАНЦЫ

Куда там танцы!
Мы о них забыли,
Когда среди осенней темноты,
Все громче чертыхаясь, мы рубили
На ощупь
Придорожные кусты.
Бросали под колеса как попало,
Подтакивали, только — черт возьми! —
По-прежнему машина буксовала
И нас холодной грязью обдавала...
А танцы начинались с восьми.
Застряли прочно...
Эх, куда там танцы!
Нам до утра не выбраться вдвоем.
— Прочел бы, Степа, пушкинские стансы!
— Какие стансы! Лучше поднажмем!
И снова нас забрасывает грязью.
— Должно быть, тужишь?
— Как еще тужу!
Но вот вперед гляжу я без боязни,
Почти как в стансах Пушкина, гляжу.
Ведь где-то там, за дальним перелеском,
В избе-читальне, ожидая нас,
Танцуют практикантки из Смоленска...
— Послушай, Степа, а который час?
Ах, Степа, Степа!
Чертова дорога!
Идем пешком, ведь нас с тобою ждут.
— Постой. Еще б кустарника немного.
Клади вот тут, вот тут клади и тут...

Мы едем.
То ли пушкинские стансы,
Но уж, конечно, нам не бог помог!..
Нелегко путь в чужой колхоз на танцы
В осеннюю распутицу дорог!

***

Морозные, но солнечные дни.
Похрустывают травы под ногами,
Ведь снега нет.
И мы опять одни
Уходим вдаль знакомыми лугами.
Наперерез лугам петляет речка
И в лес спешит, согреться норовит,
А солнце смотрит золотым колечком,
Которое не греет, не горит.
Татарника неяркий огонек
Глядит подслеповато, не мигая...
Поля, леса, луга родного края
Мы исходили вдоль и поперек.
В лесах знакома каждая тропинка,
В полях знакома каждая межа,
В лугах знакома каждая травинка,
На речке — каждый шорох камыша.
Знакомо все!
Но, несмотря на это,
Средь будничной осенней тишины
Мы различаем новые приметы:
Зимы начало,
И остатки лета,
И ожиданье будущей весны...

Россуэлл Гарст и его хозяйство

В. ТЕРЕЩЕНКО

23 сентября 1959 года имя мистера Россуэлла Гарста облетело весь мир: в этот день знатным гостем американского фермера был Н. С. Хрущев.

Советским людям имя Гарста известно уже с 1955 года, когда он был впервые принят Н. С. Хрущевым в Крыму. А еще через два года в СССР вышла брошюра Гарста «Кукуруза — надежный источник изобилия».

Гарст три раза приезжал в Советский Союз. И не раз принимал у себя на ферме гостей из СССР, в частности известного советского механизатора Александра Гиталова, познакомив их с комплексной механизацией возделывания кукурузы.

Кто же такой мистер Гарст и почему его ферма привлекает тысячи посетителей? На этот вопрос я хочу ответить советскому читателю, ибо в течение ряда лет мне пришлось работать с мистером Гарстом в качестве его экономиста-консультанта по делам, связанным с Советским Союзом и странами Восточной Европы. Я десятки раз бывал в Кун Рапидс, сопровождал приезжавших туда советских представителей, участвовал в заграничных поездках Гарста.

***

В США фирма «Гибридная Кукуруза Гарст и Томас» не является крупнейшей фирмой такого типа. Тем не менее завод по сушке и обработке семян гибридной кукурузы в Кун Рапидс среди подобных предприятий самый большой в США. Прекрасной репутацией пользуются производимые Гарстом гибридные семена. Его новаторство в области механизации и рационализации сельского хозяйства, получения высоких урожаев кукурузы известно далеко

за пределами Айовы. Именно за эти заслуги мистеру Гарсту, учившемуся в колледже Айовы и в университетах Северо-Западном и штата Висконсин, но не имеющему диплома высшего образования, и было присуждено в 1958 году почетное звание доктора наук.

Конечно, не все, что делает мистер Гарст, применимо в советских условиях и заслуживает поощрения, но его ценный практический опыт во многих отношениях может быть использован и в СССР.

Гарст — коренной американец. Предки его, как он мне рассказывал, переселились в Америку из Эльзаса еще в 1750 году, хотя есть в нем и англо-шотландская кровь. Жена же Гарста родилась в США от эмигрантов — чехов. У чести Гарстов два сына — Дэвид и Стивен («Тарас Бульба и его два сына», — в шутку сказал Гарсту советский министр В. Мацкевич, глядя на их весьма крепкие фигуры), три дочери, двенадцать внуков и внучек. Все они совладельцы хозяйства Гарста, хотя активное участие принимают только сыновья. Они хорошие практики. «Последним достижениям в сельском хозяйстве надо учиться у передовых фермеров, а не в университетах, — говорит Гарст. — Наши опытные станции, колледжи и университеты по крайней мере на 3—4 года всегда отстают от того, чего может достигнуть и знать фермер-новатор». Тем не менее Гарст внимательно следит за сельскохозяйственной литературой и нередко полагается на советы брата — профессора в отставке, доктора химии, человека больших теоретических знаний, давно уже увлекающегося опытами в сельском хозяйстве.

Расцвет хозяйства Гарста начал-

ся в тридцатые годы, в пору, когда Генри Уоллес — сперва министр сельского хозяйства США, а затем, при Рузвельте, вице-президент — преуспел в своих опытах с гибридизацией кукурузы. Уоллес и Гарст были друзьями. Гарст взялся применить на практике теоретические достижения Уоллеса.

Помимо производства кукурузы, Гарст ежегодно закупает на откорм до двух тысяч голов молодняка, продаваемого потом обычно в возрасте двух лет; он занимается также свиноводством и содержит 3 000 гибридных кур-несушек. На территории фермы находится и так называемое «универсальное здание», конструкцию которого разработал Гарст. Здесь под одной крышей производится сушка несеменной кукурузы, очистка зерна, изготавливаются комбикорма, ведется дробление стержней початков кукурузы, смешивание урии (мочевины) с черной патокой (отходы сахарной промышленности) и ряд других производственных операций, а свободное пространство используется под склад. Все процессы тут так механизированы, что здание обслуживается обычно одним человеком, которому примерно полдня помогает другой рабочий.

Комплексная механизация возделывания кукурузы у Гарста исключительна. Он постоянно приобретает новые машины и приспособления. «Я слишком беден, чтобы позволить себе роскошь не применять самые последние модели машин и предоставлять это своим конкурентам», — говорит Гарст. Не успели, например, появиться в США первые машины, облегчающие работу по обрыванию метелок, как они уже стали применяться на полях Гарста.

В США на производство одного бушеля¹ кукурузы затрачивают семь минут. На ферме же Гарста, уверял он меня, затрачивается в среднем лишь две минуты. Мне пришлось видеть участок в 640 акров, правда, в одном массиве, где со всеми работами справлялись два взрослых рабочих и один школьник.

Любимая тема всех деловых разговоров Гарста — это вопрос об удобрениях. Севооборота он не признает. Такая его практика — предмет горячих споров приезжающих гостей, как иностранцев, так и американцев. Но я не могу скрыть, что сам видел у Гарста участок, который засеивался под кукурузу подряд 17 лет и все же давал сбор в 100 бушелей на акр. «Вносите по 10 килограммов действующего начала азота на каждую 1 000 высеваемых зерен, и вы никогда не ошибетесь в результатах», — посмеивается Гарст.

Гарст признает удобрения лишь в виде гранул, утверждая, будто только гранулы, выпускаемые промышленностью США, дают наилучшие результаты.

«Вы говорите, что Индия перенаселена? — рассуждает Гарст. — Ничего подобного. Она просто «неудобрена». Два фунта действующего начала азота — и вы получите 1 бушель кукурузы; 2 тысячи фунтов азота — 1 000 бушелей кукурузы; 1 миллион тонн азота — 1 миллиард бушелей кукурузы».

В 1957—1958 годах Гарст затратил на удобрения в среднем 18—20 долларов на акр. Эта затрата экономически не только оправдала себя, но и принесла большую прибыль.

Но производить кукурузу — это мало. Не менее важно научиться ее использовать. Гарст долго не мог примириться с тем, что стержни початков не находили себе применения. Проблему решила так называемая урия (синтетическая мочевины). Гарст гордится тем, что нашел способ ее применения. Одна тонна урии растворяется в девяти тоннах черной патоки. Этим раствором потом заливают дробленые стержни початков, которые по весу должны составлять 85 процентов от веса всей получаемой смеси. Если к этому добавить небольшую минеральную подкормку, то получается превосходный и дешевый корм для жвачных животных. В то время как фунт белка в виде муки из соевых бобов, семян хлопка или льняного семени сейчас стоит в США от 8 до 12 центов, фунт белков в виде урии обходится Гарсту в 2 цента.

Когда Гарст начал свои опыты с урией, в США ее производили лишь несколько тонн в год. В ту пору некоторые опытные станции решили, что фермер из Айовы просто сошел с ума и вскоре отравит весь свой скот. А сейчас американские колледжи официально рекомендуют фермерам применение урии, выпустив ряд бюллетеней с отчетом о произведенных опытах.

По подсчетам Гарста, свыше 80 миллионов тонн стеблей и стержней початков кукурузы, которые раньше использовались непроизводительно, сейчас благодаря урии стали неотъемлемой частью кормовой базы животноводства США.

На складах США, утверждает Гарст, сейчас хранится до полумиллиарда бушелей перепроизведенных излишков кукурузы. Сбор этого года даст еще 3—4 миллиарда. Что же делать со всеми этими излишками? Безусловно, США должны их отдать экономически неразвитым странам для создания там кормовой базы.

«Если мы тратим, — говорит Гарст, — миллиарды долларов на вооружение и подготовку к войне, которой никто не хочет и в которую никто не верит, то неужели мы не должны решить вместо этого пожертвовать только полмиллиарда на разрешение самой главной проблемы, стоящей перед всем человечеством?»

Лучший путь к миру всего мира — это путь через кукурузу, через изобилие продуктов питания и нужных в этой связи кормов для животноводства.

«Мир через кукурузу!» — таков своеобразный лозунг Гарста.

«Еще шаг дальше, — сострил по этому поводу один из американских государственных деятелей, — и неутомимый Гарст предложит совещание на высоком уровне на полях кукурузы в Айове».

Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев на ферме Р. Гарста. Фото А. Новикова.

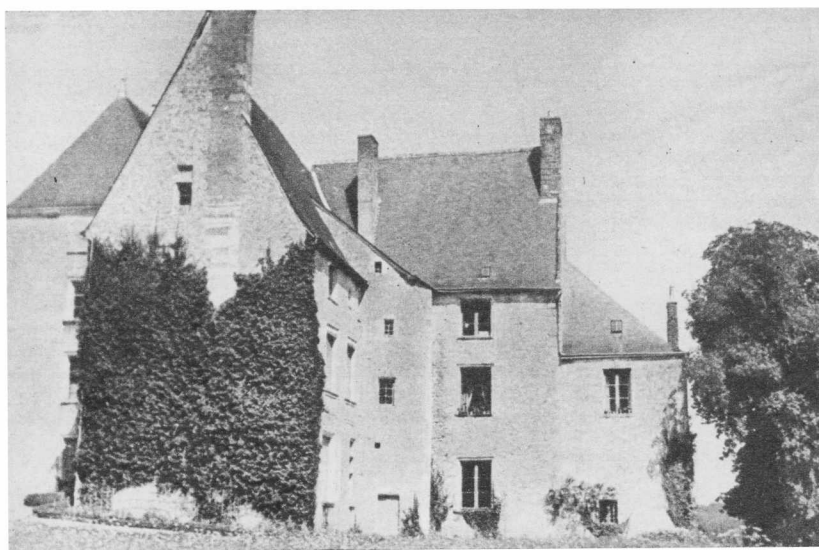

¹ Бушель кукурузы — 25,4 кг.

ВСТРЕЧИ С БАЛЬЗАКОМ

Натан РЫБАК
Заметки писателя

Замок Саше. Музей Бальзака.

В нынешнем году это была уже вторая встреча с Оноре де Бальзаком. Весною вместе с Андре Вюрмсером мне довелось побывать у Бальзака в Верховне... Я не оговорился, и пусть читатели поймут меня правильно. Вместе с французским другом мы гостили у великого Бальзака. Ибо как иначе назвать тот день, когда студенты Верховнянского сельскохозяйственного техникума превратили свою читательскую конференцию, посвященную моему роману о Бальзаке, в большую разговор о Бальзаке, его жизни в Верховне, о его терзаниях в Париже, о его борьбе, трудах, помыслах!..

Встреча с читателями Бальзака взволновала Андре Вюрмсера. В газете «Летр Франсез» он посвятил ей целую страницу и рассказал об этом в очерке, напечатанном в «Правде».

Когда мы встретились с Вюрмсером в Москве на съезде писателей, он, знакомя меня со своим коллегой Арманом Лану, стал сразу же говорить о «поездке к Бальзаку в Верховню».

«Поездка к Бальзаку». Именно в таком смысле обратился к нам колхозник, у которого мы справились о ближайшей дороге на Верховню:

— Значит, вы едете к Бальзаку?

— Да.— И после некоторой заминки смело говорим: — Мы едем к Бальзаку.

Спустя полтора месяца после того дня я иду по парижским улицам с той же целью. Машину мы оставили на шумной стоянке, и наш спутник Андре Момбер

внимательно ищет глазами табличку с нужным нам номером.

...Вот она, улица Басс, ныне Ренуара. Она узковата, и чопорные, невысокие серые дома образуют строгий коридор. На окнах яркие жалюзи. Очень мало пешеходов. В глубине дворов стоят роскошные лимузины. Посреди газонов, над чашами фонтанов, лениво трепещут водяные струи. Конечно, это уже не улица Басс, по которой, гонимый своими несбыточными мечтами и кредиторами, сотни раз пробегал Бальзак. С тех пор, как он ушел из домика, спрятавшегося в глубокой расщелине между домами, многое изменилось на этой улице, в Париже, во Франции да и во всем мире.

Улица Басс... Но где же дом Бальзака? Очевидно, не этот богатый особняк, из которого вышел седой господин и уселся в лимузину. Горничная просеменила вслед за ним, держа на подушечке крошечную собачонку, и заботливо усадила ее рядом с господином. Швейцар в ливрее открыл решетчатые ворота. Мы не стали лицемерить пышный выезд на прогулку потомка Нусингена... Нас интересовал дом номер 47. Наконец мы его обнаружили. Он слишком провинциален для этой улицы. На лесах над ремонтом фронтона калитки трудился штукатур. Он сообщил нам, что Музей Бальзака ремонтируется. По узкой лестнице, словно считая старые каменные ступени, мы не спеша спускаемся вниз. Маленькое здание притаилось под покатой крышей. Улица Ренуара нависала над ним и строго отгораживалась от него высокой каменной стеной.

Пока месье Момбер вел переговоры с дежурным, можно было рассмотреть небольшой дворик. Выгоревший газон, старые персиковые деревья, лавровые кусты, у решетчатой ограды — почерневшие от времени виноградные лозы. Как нам сказали впоследствии, их сажал сам Бальзак и неуспешно о них заботился. Крестьянская кровь предков бурлила в жилах труженика Бальзака. Я невольно вижу его, согбенного над виноградными лозами, тучного, неутомимого, жаждущего и настойчивого... Он мог добиться урожая... И причем хорошего. Ни время, ни бури не сокрушили его питомцев. Лозы растут и плодоносят поныне. Пусть была изменена фамилия Балса на Бальзак и к ней дописана приставка «де». С этим были связаны упования на положение в обществе (кстати, и это оказалось иллюзией Бальзака), но и приставка, к счастью, не меняла в жилах беспокойной крестьянской крови.

Бальзак ушел, оставил эти почерневшие лозы, и они приносят урожай. Он ушел, оставил свои страстные, горячие книги, и из них поныне поколения черпают знания и житейскую мудрость. Значит, он тут, и мы сейчас войдем в его дом, в его кабинет.

...Руководитель музея Андре Шансерель любезно приглашает нас к Бальзаку. К сожалению, ремонт. Есть надежда, что осенью музей все же откроют. Теперь хозяином дома стал муниципалитет

Парижа. Возможно, это к лучшему. Зависеть от частных пожертвований, как это было до недавних пор, не очень приятно. В этом доме музей с 1908 года.

Небольшая комната. Это то, что в богатых особняках должно служить холлом. Боже мой! Ведь я тут был. Так читанное много раз путается с реальным. Справа, на каминной доске, — бюст хозяина дома работы Давида д'Анже. Бальзак смотрит на нас строго и вместе с тем весело. Андре Шансерель, улыбаясь, шутит:

— Мы оторвали Бальзака от трудов, но мы отнюдь не похожи на кредиторов. И поэтому мы можем спокойно следовать в его кабинет.

Тот же дощатый потолок. Солнце в бальзаковские годы было жгучее, и мы вспоминаем, как, жалуясь в своих письмах Ганской, что изнемогает от жары, он в отчаянии восклицал: «Мне нужен отдых, чтобы освежить мозг, но чтобы отдохнуть, надо путешествовать, но чтобы путешествовать, нужны деньги, а чтобы иметь деньги, надо работать, творить и т. д. Словом, я нахожусь в порочном круге, откуда мне невозможно выбраться».

Самое горькое в этом признании то, что адресат его был звеном в цепи замкнутого порочного круга, из которого писатель не мог выбраться. Бальзак жаловался, возможно, и не подозревая этого. А впрочем, кто знает!

Стены маленького кабинета видели многое. Они были свидетелями терзаний человека, который не ради озорства позволил себе написать: «О, когда видишь это прекрасное небо в чудесную ночь, хочется расстегнуть штаны и помочиться на головы всех королевских величеств».

Шорох высушенной суховеем листвы за окнами напоминает шелест гранок. Они лежали грудками на столе, на подоконнике, просто на полу. И слуге Франсуа надо было наловчиться отделять необходимое от ненужного и исправленные гранки немедленно отправлять в типографию, а все остальное в камин...

Из этого дома он иногда уходил, если удавалось, от долгов, кредиторов, раздумий на улице Пигаль к Жорж Санд. Там он познакомился с Мицкевичем, Шопеном, Листом.

Его дом в Жарди продан за долги. Но это не спасло положения. Что же спасет? Есть Верховня — это очень далеко. Но мечта никогда не живет близко. А Эвелина Ганская — его мечта. Она принесет счастье. Он верит в это. Убедить себя верить в свои мечты он умел, как никто из его великих современников.

Мечта все же оставалась мечтой, а тем временем в течение долгих и трудных лет в этой комнате, именно за этим грубо сколоченным столом, он мечтал, дерзал и терзался.

Я не склонен фетишизировать предметы, к которым прикасались руки Бальзака. В конечном счете мало ли кто сидел в этом бальзаковском кресле и облокачивался на этот бальзаковский стол после него!.. Но сознание того, что мы находимся в комнате, стены которой видела Бальзака, смотрим на стол, на котором он писал, наполняет сердца наши особыми чувствами.

...Из кабинета дверь в столо-

вую, из нее — в полутемную спальню. Кухня внизу. Он часто спускался туда. Варить кофе самому себе было огромным удовольствием. Хотя он сознавал, что варил его плохо. Торопливость мешала ему дожидаться, когда кофе вскипит. У него не хватало на это времени. Герои, оставленные на произвол судьбы, могли натворить непредвиденное. И Бальзак торопился к себе в кабинет, к своим героям. Тут же внизу — знаменитая дверь в глухой переулочек, через которую писатель спасался от кредиторов, явившихся с парадного хода на улице Басс.

Сегодня 18 июля 1959 года. 18 июля 1843 года Бальзак покинул Париж. Он уезжал в Россию. Поверенный в делах России во Франции Киселев послал шифрованную телеграмму министру иностранных дел. Бальзака хотели иностранных дел. Бальзака хотели уговорить написать нечто вроде опровержения памфлета Кюстина «Россия в 1839 году», направленного против царя-жандарма.

Бальзак спешил в Россию для свидания с Ганской. Оно состоялось в доме Титова на Миллионной улице (теперь улица Халтурина) в Петербурге.

В Михайловском театре публика устроила писателю, хорошо известному в России, овацию. Но те круги, к которым принадлежала Ганская, приняли Бальзака холодно. Высочайшей аудиенции у жандарма Европы Бальзак не получил. Ведь неизвестны были его подлинные намерения. К тому же он был автором фельетона-пасквиля на высочайшую особу. Не повторится ли печальная история с Кюстином? Ганская оказалась в России еще дальше от Бальзака, чем когда он думал о ней в Париже на улице Басс. 7 октября писатель уезжает из Петербурга, и «Северная пчела» в заметке, посвященной его отъезду, пишет: «Бальзак навсегда останется одним из первых писателей своей эпохи». Россия еще в те годы справедливо оценила Бальзака.

Он вернулся в Париж больной. Снова тут, на улице Басс, появляется доктор Наккар. В маленьких комнатах угрюмого домика наступают тревожные дни. У Бальзака воспаление мозговых оболочек, острое заболевание печени. В бреду он произносит тирады, которые должны войти в его книги. Он часто обращается к Ганской и говорит о Петербурге. А за дверью звучат голоса кредиторов. Литератор Бальзак задолжал даже бакалейщику.

Хорошо сказал о Бальзаке Виктор Гюго: «Его жизнь была коротка, но полна, больше наполнена трудами, чем днями»...

Андре Шансерель подчеркивает: — Франция высоко ценит то обстоятельство, что Бальзак так любил и читал в России.

— А у него на родине?
— Но... не такими тиражами, как у вас. Нет, не такими!

Может быть, это не совсем приятное признание, но господин Шансерель, очевидно, любит правду.

Андре Шансерель показывает старые иллюстрации и фотодокументы. Дом контрафактных ярмарок в Киеве во время пребывания там Бальзака, верховнянский замок Ганской... Неужели он сохранился? Сомнение нетрудно рассеять, достаточно посмотреть на фотографию в июльском номере «Летр Франсез». Господин Шансерель

удовлетворен. Ганская, конечно, была прекрасна, если судить по портретам и отзывам современников, но все же Ганская — ахиллесова пята Бальзака. Однако, если б не она, возможно, им бы не так интересовались в России...

Предположение месье Шансереля, конечно, рискованное. Миллионы читателей в Советском Союзе знают книги Бальзака, любят их и очень мало знают о его роковом романе с Ганской.

Наследники Ганской пытались убедить французское общество, что в Верховне все разрушено большевиками, что никто не помнит ее обитателей. Было бы странно требовать от потомков крепостных Ганской, нынешних полноправных хозяев Верховни, чтоб они чтли память помещицы. Но память о ее госте Бальзаке в Верховне чтят свято. Недаром на фронтоне здания навечно прикреплена табличка, свидетельствующая о том, что в 1847—1850 годах там проживал Бальзак, а в комнатах, которые он занимал, мемориальный музей.

В знойный парижский полдень в том доме, где рождались и осуществлялись замыслы великого писателя, разговор о нем спустя столетие с лишним приобретает отнюдь не историко-биографический оттенок.

Действительность властно врывается сюда сквозь приспущенные старенькие жалюзи. Нет, Бальзак не в прошлом. Его книги, «хотел он этого или не хотел (повторим слова, сказанные о нем Виктором Гюго), согласился бы он с этим или нет», его книги помогают честным людям Франции в борьбе против мрака, нищеты.

Из дома Бальзака уходишь с чувством невольного огорчения. И только после того, когда я побывал в замке Саше, я понял, что меня огорчало в парижском Доме-музее Бальзака.

В Саше у Бальзака верные друзья. Им в конце концов наплевать, течет ли в жилах писателя голубая кровь. Они ценят его за книги, а не за гражданский лист.

Обитатель мансарды, не признанный и ненужный тем, кто владел франками и Парижем, Бальзак обладал энергией титана. Чем больше его отвергали, тем упорнее он трудился. Своей сестре он в те дни написал: «Твой брат, которому суждена великая слава, питается, как подобает великому человеку, то есть умирает с голоду...»

В Саше он с голоду не умирал. В замке он был недосыгаем для кредиторских щупалец. По вече-

рам у камина, окруженный доброжелателями, Бальзак читал написанные за ночь страницы. Он увлекался и часто вместо написанного читал то, что приходило на ум в данные минуты, смежив веки и скомкав в пухлой руке лист рукописи...

Следует отдать должное тем, кто заботится о замке Саше. Тут собрано много документов и иллюстраций, связанных с пребыванием писателя в Петербурге, в Верховне, Киеве, Бердичеве.

Комната Бальзака в замке Саше потрясает своей суровой простотой. Каменные плиты пола, деревянная кровать в углублении, письменный стол у окна... Не думаю, чтоб его друг Маргонн, у которого в Саше Бальзак находил убежище, специально выбрал для писателя эту неуютную комнату. Очевидно, в ней Бальзаку легко работалось. Об этом свидетельствуют романы, написанные за те недели, когда он жил в Саше.

В одной из комнат замка на мраморной каминной доске стоят пятнадцать томов последнего советского издания собрания сочинений Бальзака. Хранитель музея Саше госпожа Жанна Боеленс сообщила нам, что эти книги подарены Ленинской библиотекой.

Поднимаясь по лестнице замка, мы видим памятную доску-барельеф из Тура. Это единственное, что сохранилось от дома, в котором родился Бальзак, после налета фашистской авиации. Входящему в дом этот факт напоминает о многом. Обидно, что на родине Бальзака кое-кого такие напоминания раздражают. Генералу Шпейделю, заседающему в Фонтенбло, и его помощникам не до Бальзака. Это понятно, и было бы смешно требовать от поджигателя, чтоб он каялся у пепелища. Но тот, кому дорога честь Франции, не может оставаться безразличным.

Потрясающей силы скульптура Бальзака, созданная Роденом, находится здесь, в Саше, и олицетворяет бунтарскую силу художника Бальзака, который, словно сказочный Прометей, рвет цепи произвола и нищеты.

Нам неведомо его состояние, когда он бежал с толпами народа в Тюильри после изгнания оттуда ненавистного короля Луи-Филиппа. Но, конечно, не для того, чтобы взять на память кусочек бархата с королевского трона. «Знаете ли вы, — писал однажды Бальзак Ганской, — сколько надо иметь мужества, чтобы оставаться легитимистом? Эта партия отвратительна...»

Известно, что в революционном 1848 году вышел сборник песен рабочих поэтов под названием «Голос народа, или Республиканцы 1848 года». Автор предисловия рабочий поэт Огюст Луанель с благодарностью писал о том, что Бальзак помогал рабочим поэтам.

Неуместны тут, рядом с великим творением Родена, скульптурные портреты некоторых политических деятелей. Присутствие их можно объяснить только их схожестью с некоторыми персонажами «Человеческой комедии». Думается, что вряд ли это имелось в виду...

Франция 1959 года охвачена надеждами и тревогами, наполнена разнообразным гоном туристов; ее слегка шокируют (даже для завсегдатаев кафе это неприятно) развязные манеры туристов из вотчины канцлера Аденауэра.

Вечный огонь на могиле Неизвестного солдата под Триумфальной аркой неугасает, как неугасима воля французского народа к правде. Для всех нас важно то, что Бальзак в своих книгах говорил правду. Эта правда, словно пепел Клааса, стучит в сердца справедливых и мужественных. Простой шофер-француз в Бургундии, недалеко от Вувре, сказал:

— Мир — это главное. — Он знал, что я еду из Саше, и поэтому добавил: — Вы интересовались, как живет месье Бальзак?

В вопросе было нечто загадочное. Не дожидаясь моих объяснений, он сам ответил:

— Месье Бальзак живет скверно. Война в Алжире, дороговизна, налоги... А надо, чтоб лучше. — Подумав о чем-то, он сжал большие, крепкие кулаки и решительно сказал: — Будет лучше. Не так ли?

...Люди хотят правды. Может ли быть иначе, когда факел ее вот уже четыре с лишним десятилетия ярко поднял великой страной, подающей народам земного шара пример любви к миру и справедливости? Надо ли называть эту страну по имени? Мой собеседник улыбнулся и ласково сказал:

— Нет, не надо. Мы думаем о ней всегда, и это помогает.

Как часто впоследствии я вспоминал эти слова случайного знакомого! И когда на кладбище Пер-Лашез в сорок восьмом дивизионе мы отыскивали скромную могилу Оноре де Бальзака, я снова вспомнил слова моего знакомого из Вувре.

На постаменте, на котором высечено: «Оноре де Бальзак родился в Туле 20 мая 1799 — умер в Париже 18 августа 1850», — стоит бронзовый бюст писателя. Внизу начертаны слова скульптора Давида д'Анже: «Моему Бальзаку». Каждый патриот Франции вправе повторить эти простые слова, в которых любовь неотделима от восхищения и уважения.

Когда-то, надломленный тяжелой борьбой за существование, Бальзак писал: «Придет время, и люди узнают, что я жил только своим пером... что и хвала и осуждение оставляли меня равнодушным, что я созидал свое творение среди криков ненависти, среди литературной перестрелки и строил его бестрепетной рукой».

Это время настало.

Париж — Киев.

Верховня. Здание сельскохозяйственного техникума. Бывший дворец Ганской.

Нижняя Рача. Амбролаурский район. Здесь течет вторая по величине после Куры река Грузии — своенравная Риони, то спокойной голубой лентой, то стремительно, ворочая камни. Нескольким гидростанциям отдает свои воды Риони. Множество посевов, садов, виноградников орошают ее воды. В горах спрятано в зелени селение Хванчкара.

Хванчкара

Фото Галины САНЬКО.

Хорош урожай! Не первый год работает на винограднике Мзиури Ломтадзе, но как не любоваться такими гроздьями!

Утро... С восходом солнца идут колхозницы Хванчкарского колхоза имени Ленина на виноградники.

Опытные виноделы Александр Метревели и Гела Кипиани дегустируют вино, а маленький Бежан — будущий винодел — пока что «дегустирует» виноград.

Прекрасное вино готовится на хванчкарском винном заводе. Этот завод дарит людям рубиновую «Хванчкару» и золотистую «Тетру».

Ночью

Н. ТАРАСЕНКОВА

Рассказ

Рисунок В. БОГАТКИНА.

Она отвернула полог палатки и заглянула в нее. Там сидел человек и играл на гитаре. Губы его были плотно сжаты. Сначала он показался ей просто мальчишкой, и она спросила поспешно:

— Где у вас начальник партии?

— Я слушаю.— Он продолжал перебирать струны, как будто невозможно было оторвать от них пальцы.

— Тогда выйдите, вы мне нужны.

Он вырос перед ней в больших кирзовых сапогах, в ковбойке с засученными рукавами, высокий и ладный. И он был совсем не так юн, как показалось ей в первую минуту.

— Я врач поселка, я привела к вам больного...— Она заговорила быстрее, потому что он с удивлением смотрел на нее.— У вас ведь есть моторная лодка? Все наши ушли на лодках и вернутся только завтра. Есть предположение, что у больного...

Только сейчас начальник партии заметил, что возле палатки сидит мужчина. Он был укутан в брезентовый плащ. Плащ сливался с палаткой. Человек этот не прислушивался к разговору. Он сидел равнодушный. Ему было все равно.

— Везти надо немедленно,— сказала женщина.— Я требую.

Начальник партии посмотрел на озеро. Оно было спокойно. Плыли над ним тучи; прятали последние лучи солнца.

— Я бы отправил больного утром,— проговорил начальник.

— Нет, нет, нет!

— Хорошо.— И крикнул: — Мокеич, ты повезешь! Поставь в лодку мотор.

— Спасибо.— Женщина подала ему руку.— Простите, я так волновалась, что...— Она чуть-чуть не сказала: «Галю»,— но вовремя спохватилась: — Галина Петровна Шарова.

— Родионов.

Рядом стояли люди, слушали их разговор.

И она пожалела, зачем сказала: «Есть предположение, что у больного...» Теперь все поймут, что она неопытный врач, что сюда она приехала сразу после института.

Совсем недавно Сергей Сергеевич Хлопков, главный врач больницы, сказал ей: «Если будете сомневаться в диагнозе, немедленно ко мне». Он взял ее тогда за руку, словно хотел добавить: «Ведь в нашем деле главное—практика, так что не обижайтесь».

Она подошла к больному, пощупала пульс. — До свидания, все будет хорошо. Я пойду, у меня дома брошена дочка.

Шарова попрощалась со всеми и пошла вдоль берега. Она торопилась, но все время смотрела на озеро. Сегодня озеро было необычно—темное какое-то... А в ясный день, когда солнце падало в тайгу, царапаясь за ветки, вода розовела на озере, опрокидывалась на воду горы, точно укладывались спать. И поверхность воды была такой гладкой, что, казалось, можно смело ступить на нее и идти по озеру долго-долго...

Нет, она никогда не видела ничего подобного. Всего две недели тому назад приехала она сюда с мужем и дочкой из Ленинграда.

— Доктор, доктор!

Шарова обернулась.

Там, на горе, стоял начальник партии. Широко расставив ноги, сложив руки рупором, кричал ей. Она не сразу поняла, а когда поняла, то рассмеялась. Он просил лекарство, но называл его неправильно. Шарова крикнула: — Конечно, есть, приходите!

Все теперь там, на горе, казалось крошечным: и палатки и сам начальник партии,— а слышно было хорошо, точно Родионов был совсем рядом.

...Незаметно потемнело, на озере слышен был всплеск весел, но это было далеко. Где-то разговаривала моторка, но это тоже было далеко. Наверное, на ней везли больного.

Дом ее рядом с амбулаторией. Она открыла дверь комнаты. Привычным взглядом сразу же оглядела кровать. Дочка спала, раскинув на подушке руки. Значит, кто-то из соседей уложил ее.

Ой, Егор вернулся! Он ведь собирался заночевать на кордоне. Соскучился и вернулся. Устал. И заснул, не раздеваясь. Думал, видно, дождаться ее и заснул.

Ей хотелось разбудить мужа, рассказать, как она испугалась, когда с другого берега привезли больного. Наверное, у него менингит, но это только ее предположение. А она, дура, возьми и ляпни там при всех: «Предположение!» Но начальник партии оказался очень симпатичным человеком и сразу же пошел ей навстречу. Правда, ей пришлось сказать: «Я требую». Но она довольна, что сказала так.

Она подошла к дочке, вытерла пот с ее лба. До чего же душно!.. Три года тому назад, когда они ждали ребенка, Егор сказал ей: «Если родится девочка, назовем ее тоже Галка. Хочу, чтоб она была похожа на тебя».

С Егором легко и спокойно. У него большие, сильные и очень нежные руки. Совсем недавно он сказал ей:

— Галю, мы уезжаем.

— Куда?

Он рассмеялся:

— Туда, где кончается география,— на Алтай.

Она думала, что он шутит. Но через два дня Галю уже утрамбовывала чемоданы. Она знала: все, что делал Егор, все правильно и хорошо. Егор был на четыре года старше ее. Он занимался лесами. Они должны были ехать в тайгу.

И вот они в тайге, на берегу озера. У них маленькая комната, и Галю ее называет «воинственной», потому что над кроватью висит ружье и кинжал. Ружье это сломано. В тайгу Егор ходит с другим. Кинжал тоже никуда не годится. Но все-таки это придает комнате особый колорит. Она с любовью, очень уютно обставила эту комнату и теперь в темноте может узнать все до мелочей.

Галю расстегнула пуговицы на платье. Спать, спать! Только сейчас она почувствовала, как хочется спать.

И вдруг она вскрикнула. Она даже не сразу поняла, что случилось. С треском закрылось окно, потом распахнулось и снова закрылось. Еще и еще. Галю кинулась к окну. И застыла, удивленная. Ветер рвал облака в клочья. И сквозь них бешено мчалась луна, словно кто-то хлестал ее. Луна освещала озеро. На нем поднимались огромные серебряные гребни. Казалось, что какой-то свирепый зверь скалит зубы. Она не смогла закрыть окно, как-то сразу ослабла. Почувствовала дрожь в ногах. А как же лодка? Ведь они не прошли и полпути.

— Егор! — Галю бросилась к мужу, растолкала его. — Егор, ну проснись же, Егор!

— Что случилось? Что случилось?

Он бросился к окну, поймал рамы, притянул к себе. Скрылась луна, и на секунду стало темно. Только было видно, как лиственница за окном размахивает ветками.

Галю заговорила быстро, стараясь увидеть лицо мужа:

— Егор, я не знаю, что делать, я отправила больного. Ты видишь, что сейчас творится на озере? Ну, что ты молчишь, ведь лодку может перевернуть!

Снова луна осветила комнату. Стало светло, как днем. Она увидела мужа. Он стоял одетый, в комбинезоне, в котором ездил в тайгу.

— Как это ты отправила? — глухо спросил он.

Она в двух словах рассказала ему. Да, потребовала. Так и сказала: «Я требую».

— Девчонка! — Она отшатнулась от него. — Девчонка! — повторил он.

Она почувствовала себя маленькой и ничтожной. «Егор прав, как могла я так легкомысленно отправить человека?»

— Кто-нибудь слышал, как ты сказала «я требую»?

— Да, там были люди.

— А он не хотел отправлять?

— Он сказал, что лучше отправить утром.

— Ты понимаешь, что ты будешь отвечать?

Она просто не думала об этом. «Отвечать?» И вдруг она похолодела.

Галю на минуту представила, как она и начальник партии будут сидеть в маленькой ком-

натке следователя. И следователь будет спрашивать, глядя на нее в упор: «Значит, вы говорили «я требую»? Она молчит. Отвечает за нее начальник партии Родионов: «Да, мне приказал врач, будь на то моя воля, я бы отправил больного утром». И снова вопрос: «Как вы могли отправить его одного?.. Как вы могли?..»

Галя почувствовала, что садится прямо на пол, точно чьи-то очень сильные руки надавили ей на плечи.

— Родная, прости, — казалось, что Егор громко шепчет ей на ухо. — Я просто очень волнуясь за тебя. Но поверь, все будет хорошо. Ведь ты не виновата, ну разве ты могла предугадать?.. Ведь если что и случится, никто не посмеет, никто не имеет права...

Не то! Не то! Ей хотелось крикнуть ему: «Не то ты говоришь!»

Но она ничего не могла сказать. Душно в комнате, ох, как душно! Пусть бы лучше окно было открыто. Нет, нет... Здесь спит дочка. Она только сейчас вспомнила о ней.

— Егор, надо пойти к геологам.

— В такую бурю? Ты с ума сошла...

— Я пойду одна.

— Не пушу. Да что это даст? Что ты узнаешь? — Руки мужа держат ее за плечи. — Да пойми ты, никто не посмеет, никто не имеет права...

А Гале кажется, что какой-то совсем чужой, неведомый ей голос убаюкивает ее: «Никто не имеет права».

Под утро, обессиленная, она задремала.

А когда проснулась, окна были раскрыты настежь. Все было спокойно.

В первую минуту она подумала, будто ей снилось что-то страшное.

— Я не хотел тебя будить. Только час, как стихло, — проговорил Егор.

Галя бросилась к двери.

— Я пойду с тобой.

— Не надо.

Она бежала. И когда забралась на горку, только тогда остановилась отдышаться.

Она увидела возле палаток небольшой стол, за ним сидел Родионов. Начальник партии говорил по рации. Она ловила каждое его слово: «Лошадей приведут послезавтра, и мы сразу снимемся и уйдем в тайгу». Родионов улыбнулся Шаровой, кивнул ей. Раздался другой — далекий, глухой голос. Он тоже говорил о лошадях.

Через несколько минут Родионов рассказывал ей:

— Мы отправили больного после бури. У нас в партии есть местные. И они вовремя предупредили нас...

Шарова перебила его:

— Могу ли я связаться по рации с доктором Хлопковым?

— Я только что говорил с ним. Больной уже в больнице.

Шарова не ответила. Она спокойно выдержала его взгляд: «Я знаю, вы очень волновались».

Она опустила глаза, увидела, как по большому сапогу начальника партии расхаживает кузнечик.

Она попрощалась с начальником партии и пошла. Было спокойно и солнечно. И деревья, застывшие неподвижно, и солнце на ясном небе, и где-то маленькие, еле заметные облака — все, казалось, говорило: «Да разве было что-нибудь ночью?»

Ничего не было!

Ничего не было. Ничего не случилось. Больной сейчас в надежных руках. Ничего не было, все в порядке. Просто муж очень волновался за нее. Просто в эту ночь об одном и том же они думали по-разному.

Ничего не случилось. Но было почему-то очень грустно. Какое ей дело, что геологи ждут лошадей и уйдут в тайгу? Но и от этого было грустно. Было грустно оттого, что муж шел навстречу и улыбался ей.

— Все в порядке?

Галя кивнула.

— Я же говорил тебе! — Он положил ей руку на плечо.

И они пошли рядом. Рука была очень тяжелой. И Галя сделала движение, чтобы освободиться от нее.

Так они вошли в дом. И в доме все было то же и все было не то.

Мальчик и шестьдесят шесть старух

ЧИМИТ ЦЫДЕНДАМБАЕВ

Маленький мальчик без усталости занят делом: прыгает, бежит, кувиряется. То он покружится на месте, то влезет на невысокое дерево, то метко бросит камень в старый пенек у дороги, то выпустит ввысь из самодельного лука певучую стрелу и долго стоит, задржав голову. Стрела, похожая на длинную каплю начинающегося ливня, падает рядом с ним. Мальчик может на лету поймать самую осторожную бабочку, не повредив ей крыльев, только немножко золотистой пыльцы останется у него на пальцах...

Вот мальчуган снимает свою белую майку, синие трусики и бросается с крутого берега в речку, плещается в воде и хохочет, ныряет, бьет по воде ногами, поднимает целую бурю брызг, неутомимый, счастливый.

Постойте, а это что за старушки сидят на берегу в сторонке? Их три. Но недаром говорят, что если уселись три старухи, к ним непременно подсядут еще три. Так и есть: подошли три бабушки. Тут же пришли еще десять. Скоро старух стало пятьдесят, а через некоторое время — шестьдесят шесть. Шестьдесят шесть старух из окрестных улусов по давней привычке собрались идти на святую гору Обоо, на летнюю ежегодную молитву. Не удивляйтесь, что так много старух: улусы у нас большие, почти в каждом доме есть бабушка, а в иных даже две.

Головы у всех старух коротко острижены под машинку, только у одной торчит жиденькая седая косичка. Пятьдесят старух были обуты в поношенные мягкие унты, десять в ботинках, пять старух в сапогах, а одна даже в скрипучих городских туфлях. На тридцати старухах, как полагается, были коричневые просторные халаты, тридцать пришли в летних пальто, пять явились в кофтах с юбками, а одна вырядилась даже в цветастое платье.

У каждой старухи в руках были четки — как же без них подняться на святую гору! Все эти старухи с утра искали в этот день свои четки. Кто отыскал четки за курятником, кто в амбарном хламе, кто в ящике, где внучата хранят свои игрушки. Нельзя сказать, что все эти бабушки круглый год думают о богаче и о святой молитве.

У всех бабушек в четках было по сто пять бусинок: ламы раньше говорили, что меньше нельзя и больше тоже нельзя. А у одной старухи всего около семидесяти бусинок; она вместо своих четок нашла только шнурок. Бусинки же полдня собирала в разных местах и кое-как нанизала на нитку. Ей советное перед другими, что совсем позабыла богов. Скажут, что и молиться, наверно, разучилась...

Что же еще сказать о старухах, собравшихся на берег реки? У десяти старух было по одному зубу, у четырех — по два, а у одной — целых четыре! Остальные совсем беззубые. У всех шестидесяти шести старух зубов было меньше, чем у того мальчугана, который сейчас нырял и плывал в речке.

Старуха, на которой были скрипучие городские туфли, посмотрела на этого мальчика и сказала своим подружкам:

— Поглядите, какой непоседливый — кружится, скачет. Как только не устанет... Неужели и мы были когда-то такими?

— Я-то была! — усмехнулась старуха в ярком цветастом платье. — Моего острого языка, моего тяжелого кулака все мальчишки боялись.

— Ну, в это можно поверить, — язвительно согласилась старуха, у которой было четыре зуба. — Твой старик до сих пор побивается твоего кулака!

Все старухи дружно расхохотались.

Та бабушка, которая сидела с левого края, сказала:

— Наверно, никогда не собиралось вместе столько старух. Раз уж мы собрались, давайте проведем съезд. Старушечий съезд.

— Изберем президиум!

— Мандатную комиссию!

Старушки снова весело рассмеялись.

— Да, много нас, — проговорила одна из бабушек. — Если куда-нибудь ехать, не на всяком самолете места для всех нас хватит. Большой вагон надо.

— Нас много, а годов у всех нас сколько будет, интересно? Однако не меньше десяти тысяч лет будет. — Это сказала та старуха, у которой в четках семьдесят бусинок.

— Ну уж! — недовольно возразила старуха в скрипучих городских туфлях. — Сказала тоже! Если бы нас было сто да каждой по сто лет, тогда другое дело. А ты — десять тысяч лет...

Со всех сторон послышались негодующие возгласы:

— Ха, десять тысяч лет!

— Страх-то какой!..

— О боги!

— Нет, не такие мы древние!

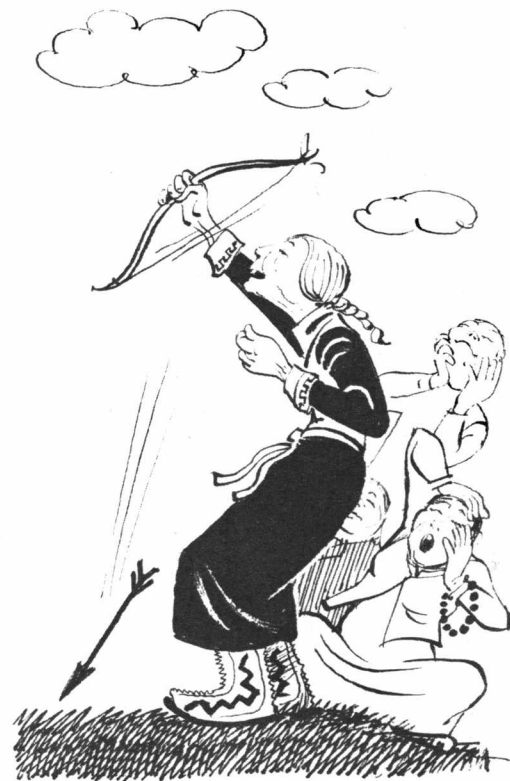

Рисунок Ю. Черепанова.

— У нас силы еще — горы свернем...

— Больше, чем вон у того мальчугана! Тебя как зовут, мальчик?

— Цокто.

— Давайте-ка докажем, что у нас в жилах горячая кровь течет! Сделаем все, что этот Цокто вытворять! — решительно сказала одна старуха и взяла лук и стрелу мальчика. — Смотрите... Она натянула тетиву, выпустила стрелу и стала смотреть вверх, ожидая, когда стрела упадет. Все остальные старухи закричали, схватились руками за головы: каждой казалось, что стрела непременно попадет в нее...

Стрела не возвращалась, не падала. Высоко, наверно, улетела. До самых облаков.

Так и не дождалась старухи, когда стрела вернется. А она и не улетала. Упала из слабых старческих рук и лежала на земле.

Ну и умеют же хохотать бабушки! Видно, веселые были в молодости.

А Цокто уже вылез из воды на берег и прыгает на одной ноге, как на упругой стальной пружине.

— А если мы попробуем? — предложила одна из старух.

Все шестьдесят шесть старух с шумом и смехом принялись подсканивать на одной ноге. Ой, что тут было! У кого голова закружилась, у кого ноги словно подломились, кто-то кого-то толкнул — в общем, все старухи упали, точно снопы от ветра. Тут и смех, и крик, и оханье...

Звонче всех, веселее всех смеялся Цокто. Он сидел на крыше сарая и покатывался со смеху: вот бы другие мальчишки видели, что улусные бабушки вытворяют!

Первой пришла в себя та старуха, которая сказала, что всем им будто бы десять тысяч лет.

— Нет, — проговорила она, поднимаясь с земли на ноги. — Не можем мы, видно... Не кружится нам, а только веретено вертеть.

— А вообще-то хорошо, что попробовали, — улыбнулась та, что была в цветастом платье. — А что не очень гладко получилось, не большая беда. Чего нам горевать? Вон Цокто кружится, прыгает. У каждой из нас есть внуки и внучки, у них в жилах наша кровь течет. Вот и выходит, что наша кровь снова помолодела.

Старухи переглянулись.

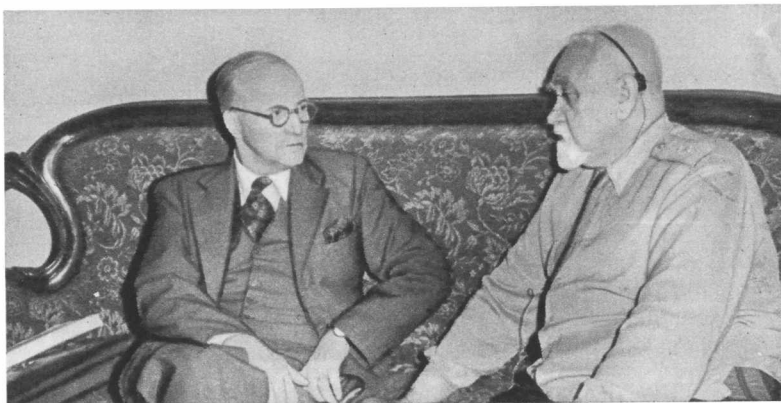
— Верно ведь! Если бы не было бабушек не было б и внуков! В них заново расцветает наша жизнь. Как хорошо!

Перевел с бурятского
Мих. Степанов.

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

Сесиль А. Гоар учился в Петрограде

Доктор С. А. Гоар (слева) беседует с академиком Е. Н. Павловским.

Научная общественность Ленинграда тепло встречала гостившего недавно в СССР видного английского паразитолога доктора Сесиль А. Гоара. Доклады доктора Гоара — члена Королевского общества Великобритании, вызвали большой интерес. Выдающиеся заслуги английского ученого отметил академик Е. Н. Павловский.

Доктор Сесиль А. Гоар в 1917 году окончил Петроградский университет. Ныне, будучи в Ленинграде, он подробно знакомился с жизнью этого учебного заведения, встречался с профессорами и студентами, посетил научно-исследовательские институты и лаборатории.

Доктор С. А. Гоар побывал также в Москве и Алма-Ате.

Профессор Г. ПЕРВОМАЙСКИЙ

ВОЗДУШНЫЕ ПОЖАРНЫЕ

Самолет патрулировал леса Архангельской области. Летчик-наблюдатель Б. Груздов увидел, что на лесосеке пожар. Пламя охватило большой штабель древесины. Рядом стояли трактор и передвижная электростанция. Им тоже угрожал разбушевавшийся огонь. Дело было в воскресенье, на лесосеке никого не было.

Б. Груздов подал команду четырем парашютистам, находившимся в самолете. Когда они благополучно приземлились, летчик-наблюдатель сбросил около ста килограммов взрывчатого вещества.

Парашютисты разделились на две группы. Первая группа на протяжении трехсот метров выкопала в земле лунки, заложила серию мелких зарядов, произвела взрыв. Взрывная волна сбила пламя. Выброшенный взрывом грунт сразу изолировал трактор и электростанцию от огня. Парашютисты второй группы мелкими зарядами взрывчатки раскатали штабель леса, обнажили широкую полосу земли

между горящими и негорящими бревнами. А затем создали заградительную полосу между штабелем и окружающей тайгой. А когда пожар был потушен, парашютисты долго пробирались пешком через дремучие леса, ориентируясь по компасу, к своей базе.

А вот другой случай.

В Куйтунском лесхозе Иркутской области пожар охватил более 5 тысяч гектаров леса. Парашютисты во главе с инструктором В. Данюк выбросились в 20 километрах от места пожара: ближе негде было приземлиться. Из-за сильно бушующего пламени подойти к пожару им не удалось. Только на рассвете, когда ветер начал стихать, они приступили к работе.

То и дело лопаты упирались в сплетение корней могучих кедров, пихт, сосен. Земля сухая, твердая, как камень. С пожара тянуло удушающим дымом, гарью, тяжелым, раскаленным воздухом. И все-таки парашютисты создали заградительную полосу и потушили пожар.

Недалеко от Москвы, на окраине Загорска, находится Центральная база охраны лесов. С организацией работы нас знакомят главный инженер М. Г. Червонный и начальник летно-производственной службы В. В. Подольский.

— Посмотрите, какое у нас большое и разбросанное хозяйство! — говорят они, указывая на карту. Разноцветными кружками обозначены авиационные базы. Где их только нет: в Новосибирске, Улан-Удэ, Перми, Иркутске, Архангельской области, Якутии, на Сахалине! Воздушной охраной охвачено 650 миллионов гектаров леса.

— У каждой авиабазы, — рассказывают М. Г. Червонный и В. В. Подольский, — свой огромный район лесных массивов, за которыми они обязаны тщательно следить и принимать в случае необходимости экстренные меры.

Для ликвидации пожаров используются химикаты, специальные гасящие смеси, взрывчатые материалы.

В работе лесной авиации особенно важна роль летчика-наблюдателя. Ему подчиняется пилот, который ведет машину. Летчик-наблюдатель, инженер или техник лесного хозяйства, имеет также специальность штурмана, радиста и парашютиста.

Б. ГРОМОВ

Архангельская область, Красноборский лесхоз. Парашютисты тушат пожар химическими средствами.

ЕМУ ЗНАКОМЫ ВЕРШИНЫ КАВКАЗА...

Вот уже десять лет подряд житель Ленинграда Александр Николаевич Скарлато каждое лето проводит в высокогорных районах Западного Кавказа. Он прошел все долины, побывал на всех горных вершинах: от Мархота, в районе Новороссийска, до Эльбруса, в центре Кавказа. Его знают все пастухи альпийских лугов.

Шестнадцатилетним юношей он стал моряком, четверть века бороздил моря и океаны на торговых судах, побывал во многих странах мира.

В дни Великого Октября он был одним из комиссаров Балтийского флота.

После революции работал испытателем судов на заводе и, наконец, в 1950 году, в возрасте 66 лет, стал персональным пенсионером.

А. Н. Скарлато после десятого похода в высокогорье.

Фото В. Гуслева.

Ледопад Долпра длиной до полутора километров. Вид с наивысшей точки горного перевала Бечо.

Фото А. Скарлато.

— Человек, поднявшийся однажды к вершинам гор, навсегда полюбил их прозрачный и чистый воздух, необычайную тишину, нетронутую, девственную природу, — убежденно говорит Александр Николаевич.

Действительный член Географического общества СССР А. Н. Скарлато много поработал над исследованиями северо-западной части Главного Кавказского хребта.

В местах, где до него не ступала нога человека, он сделал свыше пяти тысяч оригинальных фотографий.

Многие из этих снимков демонстрируются в Музее землеведения Московского университета, во многих музеях Ленинграда и культурно-просветительных учреждениях страны.

На выставке фотографий альпинистов и туристов в 1958 году снимок Скарлато «На пути к вершине Эльбруса» был отмечен премией. Большой успех имела и его индивидуальная выставка.

— В походах питаюсь я в основном тремя «С», — рассказывает Скарлато с юношеской улыбкой, — салом, сухарями, сахаром. Плюс дары природы — ягоды, дикие плоды. И, как видите, чувствую себя великолепно.

И. ЗАЙЦЕВ

Встретились боевые подруги...

Слева направо: Е. И. Кузнецова, А. С. Быстрова, З. П. Патрикеева, Е. И. Фирковская, М. С. Сараева-Зубкова.

Впервые за много лет собрались они вместе — боевые подруги, ветераны Первой Конной армии, награжденные во время гражданской войны орденами Красного Знамени.

Три года провела в седле Елена Ивановна Кузнецова, пройдя вместе с 6-й кавалерийской дивизией от Царицына через Воронеж до Ровно.

Многим воинам-конноармейцам спасли жизнь медицинские сестры Александра Степановна Быстрова и Зинаида Павловна Патрикеева — участницы боев под Ростовом и Батайском, у Чонгарского моста и под Перекопом.

Во время войны с панской Польшей под Берестечко благодаря мужеству Елены Ивановны Фирковской были спасены обозы с ранеными и боеприпасами. Командарм С. М. Буденный лично представил ее к боевому ордено.

Большую жизнь революционерки прожила Мария Сергеевна Сараева-Зубкова — участница большевистского подполья в Луганске, воин Первой Конной. В числе ветеранов революции 1905—1907 годов она награждена также орденом Трудового Красного Знамени. Эту награду Родины ей вручил соратник по луганскому подполью и Первой Конной Климент Ефремович Ворошилов.

Г. ЛЕОНОВ

ЧЕМПИОНЫ

ЗНАКОМЯТСЯ...

ФОТОИНТЕРВЬЮ

15 ноября на ледяном поле Дворца спорта состоялось знакомство чемпионов двух стран — США и СССР. Игрой хоккейных команд «Броктон» и ЦСКА МО начался большой сезон международных встреч.

Фотокорреспонденты А. Бочинин и Л. Доренский запечатлели эпизоды этого интересного состязания. Мы попросили тренера армейской команды А. В. Тарасова прокомментировать фотографии.

Знакомства на хоккейном поле происходят не в момент обмена вымпелами и сувенирами, а в игре. На этом снимке американский защитник Гарольд Сонджин довольно близко знакомится с нашим нападающим Игорем Денонским. Как видите, спортсмены готовы к «крепкому рукопожатию».

Советские хоккеисты очень скоро оценили любителя силовой борьбы Гарольда Сонджина. Обратите внимание на необычный головной убор американца. Нет, этот шлем предназначен не для полетов в стратосферу, а всего лишь для тренировок. В нем выступать на матчах не разрешается: ведь столкновение с плексигласовым козырьком грозит повреждением.

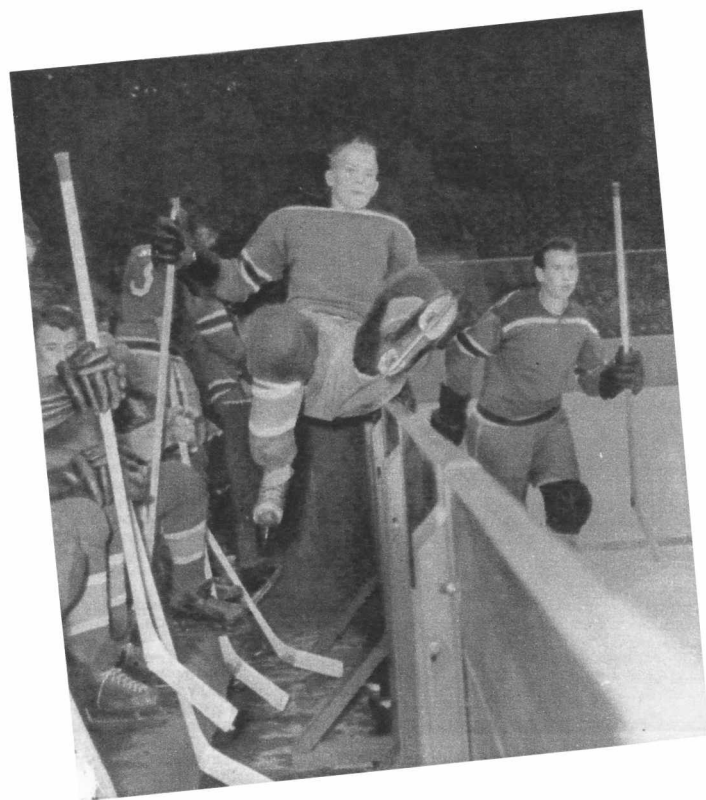
Но мы пошли навстречу просьбе американца и разрешили ему играть в шлеме. Как оказалось, Гарольд Сонджин сам не так давно пострадал во время столкновения.

Первые минуты игры заставили всех нас по-настоящему. Видите, как американский хоккеист плотно прикрывает Юрия Пантюхова? Не могу я только понять позиции другого американского игрока, на заднем плане. Он, видимо, спутал судью с советским нападающим и старательно его блокирует.

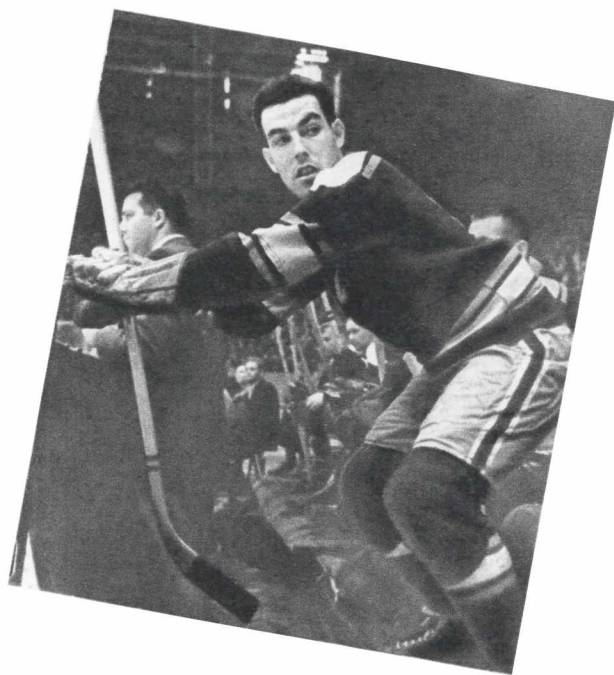
← Счет, как известно, открыли американцы. Вот один из неприятных эпизодов: с тридцати метров послал шайбу Ричард Роденхайзер, а Пучков лишь развел руками. Так был забит второй гол. Редкий случай в практике нашего непробиваемого вратаря!

Но должен сказать, что и при счете 2:0 в пользу броктоновцев мы не пали духом. Темп нарастал с каждой секундой, стремительно менялись составы. Вот я посылаю в «бой» нашу первую тройку. Вениамин Александров еще над бортиком, в прыжке. Но посмотрите на него: он всем своим существом уже в атаке.

С интересом изучал я наших соседей — американских хоккеистов. Не правда ли, крепкие ребята? И тренера их Луиса Духамела не так просто вывести из себя.

А этот снимок, может быть, не очень выразительный на первый взгляд, достаточно ярко передает растущее напряжение матча. Отражая натиск советских хоккеистов, американцы начинают применять недозволённые приемы, а судейский приговор в подобных случаях таков: две минуты на скамье штрафников. Ах, эти две минуты! Как долго они тянутся! Но вот последние мгновения простоя на исходе, и Ральф Де Лео уже готов к броску на лед.

Первый гол забила первая тройка. Константин Лонтев в стремительном рывке вышел один на один с вратарем Ричардом Марром, и за спиной американца зажглась красная лампочка.

Говорят, что на этом снимке я похож не на хоккейного тренера, а на дирижера симфонического оркестра. Ну что же, вполне может быть. В минуты матча тренер действительно превращается в дирижера. Очень важно вовремя дать нужный тон игре. В данном случае я убеждаю Владимира Брунова, который сейчас войдет в игру, не волноваться и начинать борьбу «пиано».

Но попробуйте не волноваться, если азарт все нарастает и нарастает. На этом снимке очень удачно зафиксирован один из интересных эпизодов матча. При столкновении у ворот американской команды она оказалась сдвинутыми воротами. Хоккеисты США убеждают судью, что гол не может быть засчитан. Но шайба уже в сетке. Гол!

Советская команда все настойчивей вела атаки. К моменту финального свистка судьи итог матча был таков: 12:3 в нашу пользу. Борьба закончена, и один из героев встречи, Константин Лонтев, может снять хоккейные доспехи. Как видите, они довольно внушительные. Такова уж наша игра!

ОТ КРАЯ ДО КРАЯ

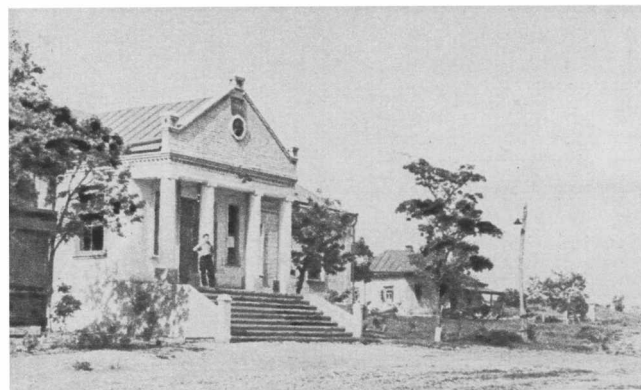
Селекционер Н. Д. Мухин в лаборатории.
Фото П. Новаторова.

ЯРОВУЮ ПШЕНИЦУ СЕЮТ ОСЕНЬЮ

В Белорусском научно-исследовательском институте земледелия выведены четыре новых сорта озимой пшеницы. Они получены в результате постепенного «перевоспитания» яровой пшеницы.

— С каждым годом мы высевали яровые сорта во все более ранние сроки, — рассказывает селекционер кандидат сельскохозяйственных наук Н. Д. Мухин. — И вот растения приобрели наследственные свойства озимых. Теперь при посевах новых сортов осенью одновременно с обычной озимой пшеницей они дают урожай до 32 центнеров с гектара.

Е. ГАЛКИН

Клуб, построенный в колхозе имени Карла Маркса Павлоградским «межколхозстрой».

«Межколхозстрой» — это слово прочно вошло в разговорный обиход в сельских районах Украины.

Колхозы стали объединять свои усилия для совместного строительства электростанций, общественных зданий, дорог, оросительных систем.

В республике работает более 600 таких организаций, пайщиками которых являются 9 500 колхозов. В распоряжении «межколхозстрой» 330 кирпичных заводов, мастерские по производству черепицы, каменные карьеры, пиломатериалы, столярные мастерские, около 260 передвижных электростанций...

В Павлоградском районе, Днепропетровской области, сооружен межколхозный завод силикатного кирпича, оснащенный прекрасными механизмами. Мощность первой очереди — 25 миллионов штук кирпича в год.

Из Павлограда снабжаются стеновыми материалами колхозы Васильковского, Ново-Московского и Синельниковского районов, а отсюда стройки Павлоградского района получают известняк, бутловый камень, черепицу. Проектные межколхозные конторы созданы в Винницкой, Днепропетровской, Черниговской и других областях Украины.

И. СОКОЛОВ

Ростов - на - Дону — Будине - на - Огре

А. Ф. Лушпанова у могилы своего мужа в Будине-на-Огре.

Однажды жительница Ростова-на-Дону Александра Федоровна Лушпанова прочитала в городской газете письмо чешской женщины Марины Каньовой из города Будине-на-Огре.

«Дорогие товарищи! Посылаю вам фотографии братской могилы, в которой спят вечным сном вдали от своей родины пять советских воинов. Приводим надпись на одном из надгробий: «9 мая 1945 года. Здесь похоронен лейтенант Лушпанов Александр Александрович, год рождения 1907, город Ростов-на-Дону». Мы знаем, что советские солдаты отдали жизнь за нашу свободу, за мир во всем мире. Дружба наша — на вечные времена».

В письме рассказывалось также о том, как национальный комитет женщин в Будине оберегает братскую могилу.

Тронутая до глубины души, А. Ф. Лушпанова написала в Чехословакию: «Мысль о том, что в далекой Будине у меня есть много родных сестер, согревает душу».

А вскоре вместе с сыном инженером Эдуардом Александровичем А. Ф. Лушпанова по приглашению национального комитета женщин отправилась в Будине-на-Огре.

Теплую, дружескую встречу советским гостям организовали жители маленького городка. Несколько сот человек собралось на митинг. Затем мать и сын Лушпановы в сопровождении чешских друзей направились к братской могиле.

В подарок друзьям были привезены из Ростова картина, красное знамя, альбомы. И национальный комитет женщин Будине-на-Огре подарил красное знамя женщинам телеграфно-телефонной станции управления Северо-Кавказской дороги, где работает А. Ф. Лушпанова.

Александра Федоровна с сыном побывала также в Праге, в Кладно и Карловых Варах. Всюду их встречали как близких друзей.

Г. МОРОЗОВ

Модель «Якутского разбоя»

Катит воды могучая река, постепенно изменяя берега и рельеф дна. Чтобы покорить ее, заставить служить человеку, надо проследить за жизнью реки, узнать ее повадки. Ежедневно наблюдать за потоком воды на огромном пространстве невозможно. Для таких исследований существуют специальные русловые лаборатории. В одной из них, в Ногатине под Москвой, создана действующая модель Лены.

Научные сотрудники во главе с В. Т. Серенковым изучают жизнь наиболее строптивого участка реки, близ Якутска. Еще в давние времена это место прозвали «Якутским разбоем». Тут река не раз совершала настоящие набеги на город: течением подмывало берега, уносило постройки. Чтобы укротить реку, в ближайшем к городу протоке затопили барханы с камнем. Направление течения после этого несколько изменилось. Но зато затруднился подход к городу по воде. Пристань перемещали все ниже и ниже Якутска.

Построенная здесь Якутская электростанция работает на угле, который подвозят почти за 80 километров. Условия судоходства с каждым годом ухудшаются. И, кроме того, Ленскому пароходству нужно безопасное место, где во время ледохода мог бы отставаться флот.

Словом, в Якутске надо строить речной порт, возводить гидротехнические сооружения.

Чтобы выбрать наиболее благоприятное место для него, «Якутский разбой» воссоздали в русловой лаборатории: берега, рельеф дна — все, до мельчайших бурдюгов местности.

Модель «Якутского разбоя» площадью 4 200 квадратных метров построили быстро, за два месяца.

На этом участке Лены много заросших тальником

В русловой лаборатории инженер Д. Т. Скачков проверяет скорость течения.

Фото Р. Лихач.

У НАС В ГОСТЯХ «КОМИШЕ ОПЕР»

Комическая опера Б. Бриттена «Альберт Херринг».

На днях в Москве началась гастроль Берлинского театра комической оперы. Несмотря на свой «юношеский» возраст — театр в прошлом сезоне отпраздновал десятилетие, — коллектив очень популярен. И не только в ГДР. С большим успехом прошли его гастроль в ФРГ и Франции.

Театр не ограничивается только комедийными спектаклями. Наряду с опереттами и комическими операми здесь с успехом идут и такие произведения, как «Отелло» Верди, «Манон Леско» Пуччини.

Организатор и руководитель коллектива — известный немецкий режиссер Вальтер Фельзенштейн. Каждый новый спектакль, поставленный им, говорит о неустанном, вдумчивом поиске.

Фельзенштейн находит для спектаклей интересное режиссерское решение. В «Волшебной флейте» Моцарта он относит действие ко времени языческого культа солнца, в «Сказках Гофмана» Оффенбаха противопоставляет причудливый галлюцинациям поэта оптимизм реальной жизни. Яркая театральность, острая характери-

стика персонажей, верно схваченный колорит эпохи — все это привлекает сердца зрителей.

Музыкальную часть театра возглавляет приглашенный Фельзенштейном в Берлин молодой дирижер Пражской филармонии Вацлав Нейман.

К. КОНДРАШИН

Сцена из спектакля «Сказки Гофмана».

ИЗ ПОЧТЫ ОГОНЬКА

ТЕПЛЫЕ СЛОВА АВТОГРАФОВ

Библиотека Центрального государственного архива литературы и искусства СССР хранит трехтысячное собрание книг с дарственными надписями Н. Гоголя, А. Островского, В. Короленко, В. Брюсова, С. Есенина, Демьяна Бедного, Д. Фурманова, А. Гайдара...

Писательские надписи на книгах рассказывают о знаменательных датах и событиях, о дружеских связях и симпатиях авторов к людям, с которыми их сталкивала жизнь, литературная работа. Раскроем книгу «Басен» Демьяна Бедного, изданную в 1913 году. Вот что он писал в рукописном посвяще-

добрей». Она гласит: «Гению in spe! В. Маяковскому от скромного автора». А вот другой автограф. На книжке, озаглавленной «Облако в штанах», великий поэт революции коротко написал: «Алексее Максимовичу с любовью. В. Маяковский».

В библиотеке архива находится книга А. Гайдара с дарственной надписью старейшему детскому писателю С. Т. Григорьеву. Автору «Тимура и его команды» особенно нравился роман Григорьева «Тайна Ани Гай», о чем свидетельствует гайдаровская надпись на книжке «Школа».

«Старику Григорьеву за то, чтобы у каждого человека вечно была своя тайна Ани Гай. Старику за то, чтобы никогда не угасала тайна. Милому товарищу Григорьеву — за теплое, хорошее слово. А. Гайдар».

В архивных рукописных фондах хранятся воспоминания писателя Льва Пасынкова, в которых он рассказывает, как однажды посетил Горького в его рабочей библиотеке. Горький любил дарить книги. Так Алексей Максимович поступил и на этот раз.

— Что Вам преподнести из этого ералаша? — спрашивал у своего гостя Алексей Максимович. — Предупреждаю: с некоторыми, хоть бейте, не расстанусь...

«В ответ на мое растерянное молчание, — писал Л. Пасынков, — Алексей Максимович сказал:

— Может, на сей раз уговоримся, что я вручу вам свою книжку?

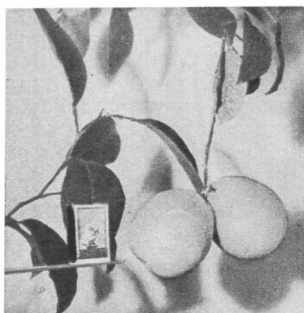
— Но только с вашей надписью, — неожиданно для себя выпалил я. — Вот видите, — шутило нахмурясь, сказал хозяин библиотеки, — уже первое «но». Извольте! — И он написал своими четкими, широко расставленными буквами: «Льву Павловичу Пасынкову на добрую память. М. Горький».

Сохранились и другие издания с интересными автографами. Нельзя не упомянуть о книге Д. Корвякова «Искусство и этюды выразительного чтения художественных произведений» (1914 год), украшенной горьковским автографом: «Юность — великое счастье, надо умело тратить ее».

Н. ЧЕРНИКОВ

¹ В будущем.

АПЕЛЬСИНЫ РАСТУТ В ВЫБОРГЕ

У жительницы нашего города Т. Н. Новиковой растет в комнате апельсиновое дерево. Оно выращено из семечка. Недавно на дереве созрели первые плоды.

Н. МИХАЙЛОВА
Выборг.

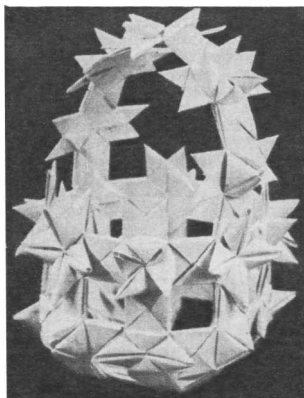
ПАМЯТНИК В СМОЛЕНСКЕ

В Смоленске я сфотографировал памятник Отечественной войне 1812 года. Он представляет собою каменную глыбу с орлиным гнездом наверху. Гнездо, символизирующее Россию, охраняют два орла. По уступам поднимается наполеоновский солдат. Один из орлов схватил когтями его руку с мечом, второй сидит в засаде. Первая птица, как мне удалось выяснить, олицетворяет смелую тактику Багратиона, другая — осторожность Барклая-де-Толли.

А. ПИСАРЕВ
Серпухов.

ПЛЕТЕНИЕ ИЗ БУМАГИ

Художественным плетением из бумаги занимается москвич пенсионер М. И. Егоров. Корзинку, которую вы видите на снимке, он сделал за несколько минут.

ПОДАРОК ИНДИЙСКИХ МОРЯКОВ

В Приморском краевом музее имени В. К. Арсеньева немало подарков от зарубежных друзей из Китая, Чехословакии, Японии и других стран. Недавно из Находки в музей поступил новый трогательный экспонат.

В порту стояло индийское судно «Чарльстон Бенус». Группа моряков-индийцев, сойдя на берег, направилась в Интернациональный клуб моряков. В одном из залов клуба они увидели подарни. Индийцы решили преподнести и свой подарок советским людям: работу девятнадцатилетнего индийского моряка Лаксмана

Бима, который с детства занимался резьбой по дереву и выпиливанием. Его работа изображает пару пятнистых оленей. Впереди — две мачты с советским и индийским флагами. Надпись по-английски гласит: «Индийские моряки. Сделал Бим».

Передавая свой подарок советским товарищам, Лаксман Бим сказал: «Пусть мой подарок напоминает о горячем желании всех индийцев крепить дружбу с Советской страной. Я счастлив буду прийти сюда еще раз».

В. ЛЕВИЦКИЙ,
директор Приморского краевого музея имени В. К. Арсеньева.

РАКОСКОРПИОНЫ

В окрестностях города Каменец-Подольского, на высоком берегу реки Смолчир, притока Днестра, в отложениях силурийского периода мне удалось найти большое количество прекрасно сохранившихся экземпляров ракоскорпионов. Они пролежали здесь примерно триста миллионов лет и погибли, вероятно, занесенные илом в высохшей лагуне.

А. ЭРЛАНГЕР

Профессор Палеонтологического института Академии наук СССР Роман Федорович ГЕККЕР, заинтересовавшись находкой, в беседе с корреспондентом «Огонька» сказал: — В нашей стране известны пока лишь два богатых местонахождения таких ископаемых членистоногих животных: одно — указанное в сообщении — и другое — на острове Сарема, в Эстонской ССР. Ракоскорпионы жили в палеозойскую эру. Строение их тела оригинально: передняя часть с клешнями и головой, как у рака, а гибкий хвост очень напоминает скорпиона. Находки этих давно исчезнувших животных представляют большой научный интерес.

КИТАЙСКИЕ МАРКИ

К десятилетие Китайской Народной Республики в Пекине были выпущены новые серии марок. Отпечатаны они на фабрике, построенной в Пекине с помощью чехословацких специалистов. С момента пуска фабрики до праздника оставались считанные дни, однако марки вышли в свет в срок.

Пекин.

С. СОЛОВЬЕВ

ПОГОВОРИЛИ.

Рисунок В. Чапли.

Москва.

НА ПРЕМЬЕРЕ:
— Автор!..
Рисунок И. Оффенгендена.

Ценные мысли.
Рисунок И. Массина.

ДЕЛО О МЕДАЛИ

«Сие предписание читал серебряную медаль с анинского лентоу получил. Прикащик Ефим Черепанов». Эта запись сделана знаменитым русским изобретателем на сообщении из Петербурга от 28 февраля 1833 года о награждении его «за отличные способности в практической механике».

В начале 30-х годов прошлого века известность Черепановых была настолько велика, что главный начальник горных заводов Уральского хребта возбудил ходатайство о награждении Ефима Черепанова золотой медалью, «дабы поощрить сего русского художника к дальнейшим трудам и предприятиям». Так

возникло «дело о награждении заводского служителя Е. А. Черепанова». В специальном донесении министру финансов особенно подчеркивалось, что созданные Черепановым «столь отличные по своему устройству и пользам паровые машины, как единственные на всем Урале, заслужили уже внимание и одобрение многих путешественников, в том числе знаменитого Гумбольдта, и как достойные подражания приносят честь строителю их, простому практику, заводскому служителю Черепанову...».

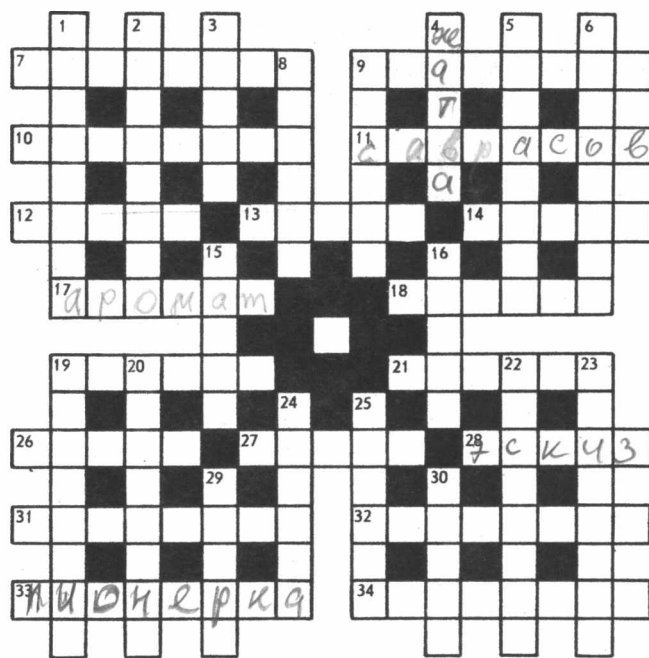
Однако комитет министров не решился награ-

дить крепостного человека золотой медалью, так как золотые медали по существовавшим правилам предоставлялись в награду купечеству. Но поскольку совершенно обойти заслуги Черепанова было неудобно, он был награжден серебряной медалью.

Как явствует из документов, Черепанов для вручения ему медали был вызван в Екатеринбург. Вручив Черепанову медаль, главный начальник горных заводов направил следующее предписание исправнику Нижне-Тагильских заводов: «...Получив от г. министра финансов медаль и выдав ее здесь, я предписываю Вам вззискать с него (Черепанова) за оную на основании высочайше утвержденного доклада... двадцать пять рублей». Исправник выполнил предписание, о чем донес через месяц специальным рапортом.

А. ГРИГОРЬЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Известный летчик. 9. Изображение на прозрачном материале. 10. Духовой инструмент. 11. Автор картины «Грачи прилетели». 12. Металл серебристого цвета. 13. Кавказская порода овец. 14. Ткань. 17. Приятный запах. 18. Водопад в Финляндии. 19. Спортсмен. 21. Один из чемпионов мира по шахматам. 26. Повесть А. П. Гайдара. 27. Растительный мир. 28. Предварительный набросок. 31. Автор трилогии «Иван Грозный». 32. Водное пространство, образующееся у берегов при таянии льда. 33. Участница детской организации. 34. Аппарат для нагревания под давлением.

По вертикали:

1. Углевод. 2. Элементарная частица. 3. Персонаж французского ярмарочного театра. 4. Сельскохозяйственная работа. 5. Художник. 6. Научное предположение. 8. Советский архитектор. 9. Форма поэзии ашугов. 15. Пустыня в Африке. 16. Рыба. 19. Вулканическая порода. 20. Белковое вещество. 22. Бабочка. 23. Город в Ферганской долине. 24. Птица из отряда воробьиных. 25. Многогранник. 29. Французский математик XVIII века. 30. Пьеса для эстрады.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 47

По горизонтали:

7. Макаров. 8. Патруль. 11. Мемориал. 12. Раковина. 13. Пирей. 14. Скопа. 15. Асеев. 18. Юриспруденция. 19. Представление. 24. Хорда. 25. Охота. 26. Угорь. 29. Паганини. 30. Левинсон. 31. Житомир. 32. Полонез.

По вертикали:

1. «Жакерия». 2. Манометр. 3. Мосин. 4. Лайка. 5. Травети. 6. Планшет. 9. Электротехник. 10. Преподаватель. 16. Исида. 17. Индер. 20. Радиатор. 21. Иогансон. 22. Лопарит. 23. Триолет. 27. Сириус. 28. Автол.

Художники книги

Советский Союз — пионер массовой социалистической книги. Его пример и опыт в повышении культурного уровня человечества общепризнаны. Так было сказано в решении жюри Международной выставки искусства книги социалистических стран в октябре нынешнего года в Лейпциге, где советские художники завоевали одиннадцать золотых, пятнадцать серебряных и восемь бронзовых медалей.

Естественно, что VII выставка художников книги, занявшая многочисленные залы Академии художеств, привлекла к себе внимание москвичей.

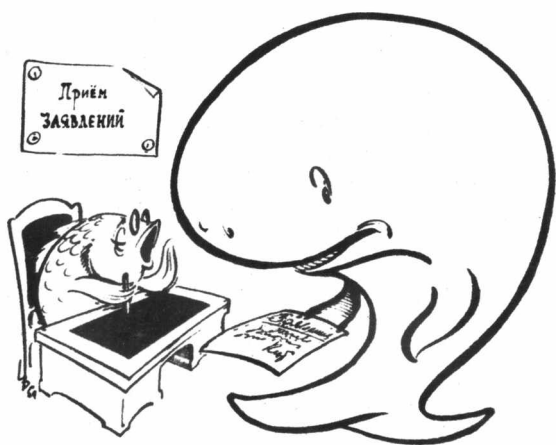
Выставка представила все поколения графиков. Показаны самые разные по тематике издания: романы и учебники, книги для детей и научно-популярная литература...

Зрелые художники, используя свой опыт и мастерство, работают в характерной для каждого из них манере, найденной в долгих и сложных поисках. Таковы произведения В. Фаворского и А. Гончарова, Л. Соффертиса и Т. Мавриной, Н. Кузьмина и М. Пинова. В иллюстрациях к «Чапаеву» Д. Фурманова А. Ливанов передал атмосферу романтической героини революции. Запоминается оформление «Декамерона», выполненное художником Е. Коганом.

А рядом с мастерами — молодые художники, которые также ищут свой творческий стиль. Смешные, оригинальные картинки и обложки для сборника детских песен «Гусята» сделали Ю. Владимиров и Ф. Терлецкий. Они же авторы иллюстраций к «Анекдотам о Насреддине».

Познакомившись с выставкой, приходишь к выводу, что и художники старшего поколения и талантливая молодежь совершенствуют мастерство, ищут новые, выразительные средства изображения. Но нужно сказать и о том, что на выставке художников книги представлено очень мало иллюстраций к произведениям советских писателей.

АН. ВАРТАНОВ

КАРАСЬ-ФОРМАЛИСТ:

— Ваше заявление, дорогой кит, я не приму!
— ???
— Вы не рыба!

Рисунок В. Черникова.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Оформление И. Уразова.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-46; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 01024. Подписано к печати 18/XI 1959 г. Формат бум. 70x108%. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 500 000. Изд. № 1563. Заказ № 2668.

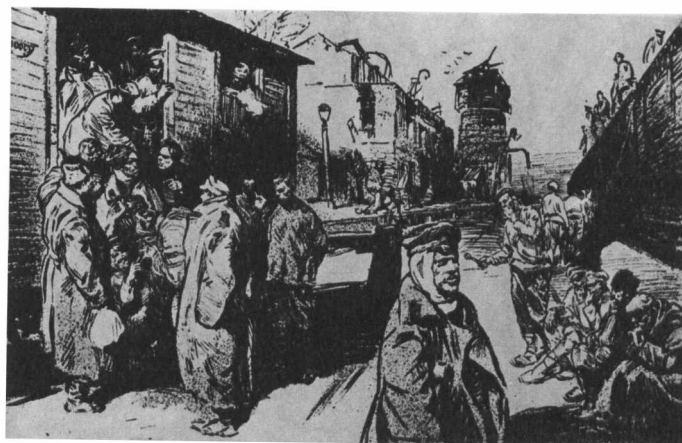
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

В. Фаворский. ОБЛОЖКА. Гравюра на дереве.

7 ВЫСТАВКА КНИЖНОЙ ГРАФИКИ

Г. Филипповский. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К «ГОРОДАМ И ГОДАМ»
К. ФЕДИНА

А. Гончаров. В. ШЕКСПИР «КОНЕЦ — ДЕЛУ
ВЕНЕЦ». Гравюра на дереве.

А. Ливанов. ТИТУЛ К «ЧАПАЕВУ» Д. ФУРМАНОВА.

Е. Коган. ТИТУЛЬНЫЙ РАЗВОРОТ КНИГИ «ПЕСНЬ О РОЛАНДЕ».

Летом этого года живописец П. И. Розин выезжал в творческую командировку в колхоз «Россия», Спасского района, Рязанской области. Художник, как правило, выбирает героями своих картин сельских тружеников. Это объясняется, видимо, и тем, что сам он до 18 лет жил в деревне. Посетители всесоюзных художественных выставок, музеев Ростова, Новосибирска, Москвы могли видеть его картины и портреты колхозников Алтайского края, Узбекистана, Подмосквья.

Приехав в колхоз, П. И. Розин зашел в правление, узнал, кто работает лучше, кто первый на тракторе. Познакомился с ними, пригляделся к их труду. Люди действительно оказались достойные, интересные. И живописец начал свою работу.

Имени Вали Чугуновой в правлении не называли. Но вот он увидел совсем молоденькую доярку — ладную, статную, быструю и немножко застенчивую. Художник пошутил: «Пообещаешь стать передовой дояркой в колхозе — напишу твой портрет». Девушка тоже вроде в шутку обещала.

Розин писал портрет по два — три часа в день, недели три. О многом переговорили в эти часы. Узнал художник о дружной, работающей семье Вали: отец ее много лет трудится кузнецом в колхозе, сестра заведует фермой, сама Валя, окончив семь классов, не так давно стала дояркой и полюбила свое дело. Говорила и о мечтах своих, о будущем...

Портрет Вали Чугуновой написан. Да и девушка сдержала обещание: она заняла третье место среди доярок колхоза.

П. Розин.
ДОЯРКА ВАЛЯ ЧУГУНОВА.

Цена номера 3 руб.